

Татьяна Фадеева

*«Я люблю Побережье,
и мой долг – сделать его цветущим!..»*

(Из письма Голицыной Воронцову)

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ

*Из истории освоения
крымского Южного бережья 1820–1830 гг.
в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной
Александру I, М.С. Воронцову
и др. лицам*

Татьяна Фадеева

**«Я люблю Побережье, и
мой долг – сделать его
цветущим!..» Южный берег
русской аристократии. Из
истории освоения крымского
Южнобережья 1820-1830
гг. в неопубликованных
письмах княгини А. С.
Голициной Александру I, М.
С. Воронцову и другим лицам**

«Прогресс-Традиция»

2016

УДК 008(091)
ББК 71-7(63.3)

Фадеева Т. М.

«Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!..» Южный берег русской аристократии. Из истории освоения крымского Южнобережья 1820-1830 гг. в неопубликованных письмах княгини А. С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову и другим лицам / Т. М. Фадеева — «Прогресс-Традиция», 2016

ISBN 978-5-89826-441-3

Книга посвящена малоизвестному этапу раннего освоения крымского Южнобережья русской аристократией, рассмотренному в более широком контексте общественных настроений александровско-николаевской эпохи. В отличие от ряда работ последних лет, пересказывающих уже известные факты, она вводит в научный оборот ряд первоисточников. Это выявленные в РГАДА письма княгини А.С. Голицыной, владелицы Кореиза, Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам за период 1825–1837 гг. Дворцово-парковая усадьба Кореиз привлекает туристов и России, и мира. Неопубликованные архивные материалы в сочетании с опубликованными, но малодоступными читателю текстами позволяют ввести в научный оборот новые факты, полнее представить реальную картину заселения и освоения крымского Южнобережья, в то время труднодоступного и почти безлюдного. Они помогут избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Кореизе и его владелице. В книге представлен большой иконографический материал – портреты гостей и владельцев, виды усадеб в живописи и графике того времени, современные фотографии. Новый труд автора, известного исследователя и знатока истории Крыма, сочетающего живость изложения с научной новизной, будет с интересом встречен читателями. Книга представляет интерес

для профессиональных историков, краеведов, этнографов,
религиоведов, искусствоведов, а также для широкого круга читателей,
интересующихся историей России, Крыма.

УДК 008(091)

ББК 71-7(63.3)

ISBN 978-5-89826-441-3

© Фадеева Т. М., 2016

© Прогресс-Традиция, 2016

Содержание

Введение	11
Глава I	16
Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I	17
Княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожд. Всеволожская, – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер	21
Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым	26
А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I	29
Александр I – гость Кореиза	32
Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции	37
Восхваление Южного берега и привлечение новых владельцев	41
Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах кн. Голицыной М.С. Воронцову	44
Ссора с М.С. Воронцовым и примирение	52
Глава II	54
Жюльетта Беркгейм – соратница и секретарь княгини, ее «Второе я»	55
М.С. Воронцов и проблемы виноделия в Крыму	57
Барон Беркгейм – ученый-винодел. Его письма М.С. Воронцову	59
Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле	62
Семейные отношения четы Беркгейм – домыслы и факты	64
Новые опыты в Мухалатке, кончина и романтический памятник	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Татьяна Михайловна Фадеева
«Я люблю Побережье, и мой долг
– сделать его цветущим!..» Южный
берег русской аристократии. Из
истории освоения крымского
Южного берега 1820–1830-х гг.
в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной Александру
I, М.С. Воронцову и другим лицам**

© Фадеева Т.М., 2016

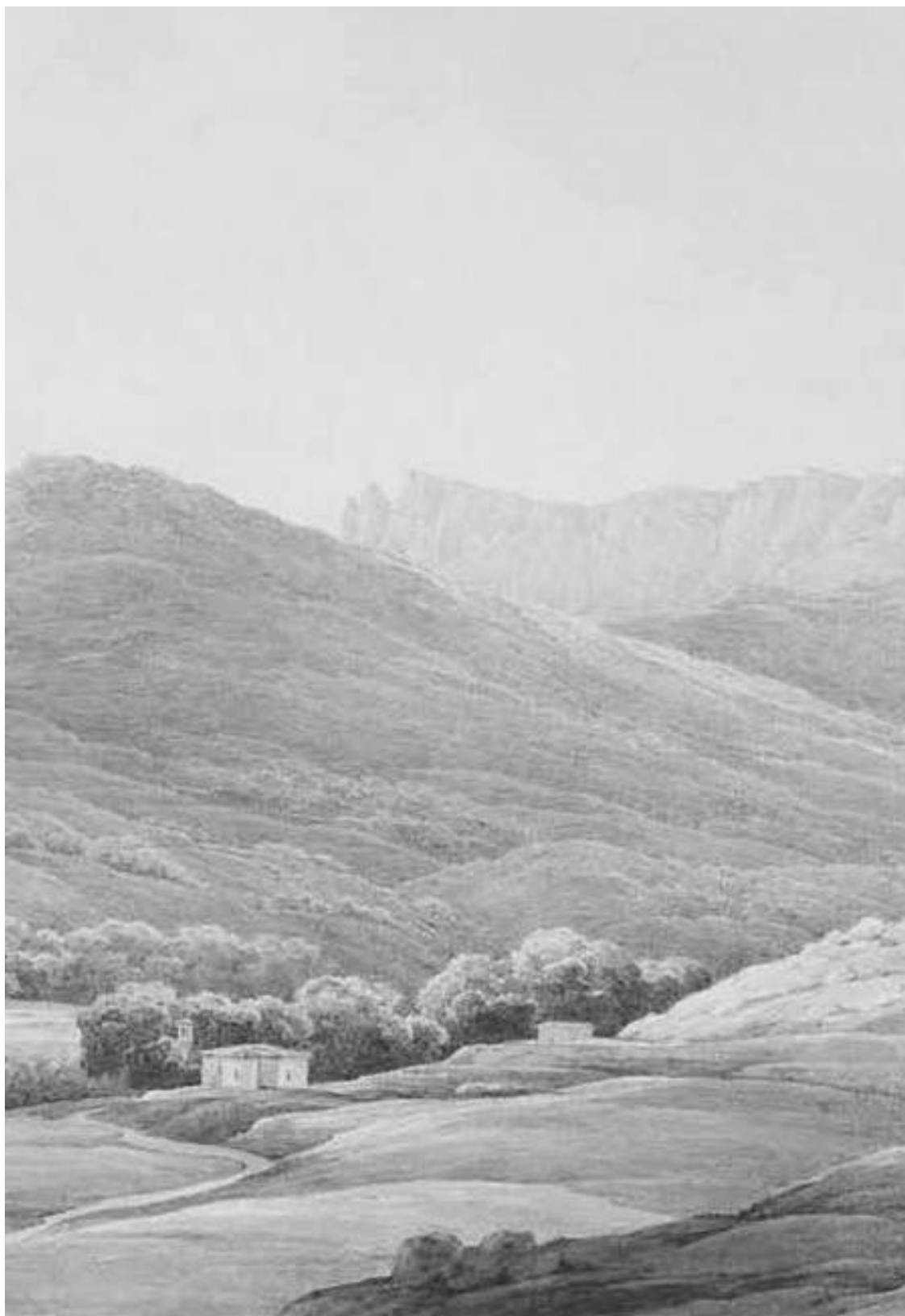
© Орлова И.В., оформление, 2016

© Прогресс-Традиция, 2016

* * *

*«Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!..»
(Из письма Голицыной Воронцову)*

Введение

Я хочу, чтобы вы были мне обязаны привлечением на Побережье благородных владельцев всех национальностей, всякого ранга и всех сословий.

Из письма кн. Голицыной гр. Воронцову

С портрета, недавно обнаруженного нами в ГИМе и публикуемого впервые, смотрит на нас немолодая, но еще красивая дама с благородным породистым лицом, в котором читается энергичный и волевой характер. Подлинный ее портрет, который сменит, наконец, ошибочно приписываемый ей¹, более всяких слов являет нам образ предводительницы переселения целой колонии, приступившей к освоению пустынного и дикого крымского побережья. Трудно представить себе, что в отсутствие этого портрета ее называли «мужеподобной старухой», основываясь, вероятно, лишь на упоминаниях о том, что она ездила верхом в мужском костюме и сама подписывалась в письмах «старуха в скалах», хотя в момент переселения ей было 45 лет.

После включения Крымского полуострова в состав России его посетило немало путешественников, отечественных и зарубежных, оставивших описания, ученые или романтические, но, как правило, восхищенные. Однако заселение шло медленно. Поворотным моментом в решении этой проблемы стало назначение 7 мая 1823 г. графа М.С. Воронцова на пост генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабской области. К тому времени он был хорошо осведомлен о Крыме, обсуждал его с отцом, русским послом в Англии, и уже приобрел первые земли на полуострове. Он занялся дорогами и в качестве личного примера избрал своей летней резиденцией усеянный камнями и скалами берег Алупки.

¹ Новый вариант издания «Русские портреты XVIII–XIX веков. Иллюстрированный справочник-путеводитель с уточнениями и дополнениями» (М., 2003) содержит важные дополнения и уточнения по идентификации портретов. Этот список, указывают издатели, пополнился и такой, «давно вызывающей большие сомнения атрибуцией, как портрет Анны Сергеевны Голицыной работы Ф.С. Рокотова» (т. 1, № 158, с. 5). В таблице изменений в атрибуциях она теперь фигурирует как Неизвестная (с. 172). Наши сомнения были связаны с несоответствием портрета волевому характеру княгини, что явствовало из ее писем, а также ее одеянию. В дальнейшем поиске мы руководствовались сообщением Д.А. Ровинского о существовании портрета княгини, литографированным Погонкиным, а также публикацией его в Каталоге Морозова А.В. (Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1–4 и Алфавитный указатель. М., 1912–1913). Продолжив поиск, мы обнаружили литографию портрета со всеми удостоверяющими подписями в Изобразительном отделе ГИМа. Местонахождение оригинала, работы П.Ф. Соколова, с которого сделана литография, пока не известно.

Anna Sergeyevna Golitsina, née Wesselsky

Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская. Худ. П.Ф. Соколов, грав. Погонкин. 1820-е гг. ИЗО ГИМ, Москва

Бездорожье, отсутствие привычных благ цивилизации создали в те времена Крыму дурную славу. Слухи об «ужасном» климате Южного берега, в которые трудно сегодня поверить, широко распространились в обеих столицах. Михаил Воронцов прекрасно сознавал,

что изменить предвзятое отношение можно лишь привлекая в Крым авторитетных представителей аристократии, располагающих средствами. При этом, воспитанный в Англии, он справедливо полагал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заставить дворян переселиться на новые берега. Помог очередной политический поворот, которых немало в русской истории.

В 1822 г. император Александр I неожиданно запретил тайные общества мистического толка, к которым прежде был весьма расположен. Наиболее ярким фигурам, в их числе баронессе Варваре-Юлиане Крюденер и княгине Анне Голицыной, предписывалось вовсе воздерживаться от собраний в столице. Это означало запрет на участие во всякой придворной и светской жизни. Снести подобный удар безропотно они не могли и предпочли своего рода эмиграцию. Выбор пал на Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. И эта проблема особенно беспокоила нового генерал-губернатора – Михаила Воронцова. Его внимание не могли не привлечь сборы баронессы Крюденер и княгини А.С. Голицыной, собиравшейся потратить свои немалые средства на обустройство целой колонии, состоявшей, выражаясь современным языком, из «специалистов» в своем деле (виноградарство, виноделие, маслоделие и т. д.), столь нужных в Крыму. Он постарался убедить княгиню, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний, в государственной важности освоения Южного берега, и ему это удалось, о чем она сама написала императору. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником, и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Так М.С. Воронцов приобрел в лице А.С. Голицыной важного соратника. Преодолев множество трудностей путешествия, княгиня, во главе колонии поселенцев из примерно ста человек, поселяется в Кореизе, по соседству с Алушкой – крымской резиденцией М.С. Воронцова. Так складывается картина своеобразного «разделения труда»: граф имеет постоянную резиденцию в Одессе, много времени проводит в поездках по вверенному ему краю, а также за границей, бывая в Крыму и в Алушке наездами; княгиня живет в Кореизе постоянно, посвящая все свое время и силы руководству работами, подбору земель для желающих поселиться на побережье, наблюдая за строительством усадеб и устройством парков и виноградников в Алушке, Гаспре, Кореизе.

Поселившись в Кореизе, деревне из трех десятков домиков, княгиня принялась за постройку усадебного дома, а затем церкви (первую на Южном берегу со времени турецкого завоевания, 1475 г.), винного погреба в виде замка (памятник архитектуры, сохранился) и множества хозяйственных построек. Одновременно высаживался виноградник, сад и проч. Кроме того, под ее руководством создавался дворец и парк в Гаспре для князя А.Н. Голицына, а также имение Верхняя Ореанда для И.О. Витта и К.А. Собаньской. Об этом периоде раннего освоения Крыма можно было почерпнуть краткие сведения из старых путеводителей, из мемуаристики; однако в годы советской власти Кореиз стал госдачей, там имела местопребывание советская делегация во время Ялтинской конференции 1945 г. Поэтому о нем не велось специальных исследований, как о других Южнобережных имениях – Ливадия, Ореанда, Алушка. Новые архивные материалы позволяют осветить этот важный период освоения Крыма и яркую фигуру его владелицы. Настоящим открытием являются обнаруженные в архиве РГАДА письма А.С. Голицыной к М.С. Воронцову, генерал-губернатору

Новороссии и Крыма, написанные в Кореизе с 1825 по 1837 г., и ряд ее писем другим лицам (впервые в нашем переводе с французского). Важным дополнением является большой блок переписки кн. Голицыной и баронессы Беркгейм, дочери Крюденер, во 2-м томе «Архива Раевских», 1909 г., (редкое издание), также в нашем переводе с французского.

Новые материалы позволяют избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Кореизе, одном из первых крупных имений Южного берега, и его владелице. О княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудаковатая и сумасбродная «старуха в скалах», «религиозная фанатичка», наводящая страх не только на слуг, но и на окрестное начальство. Из публикуемой переписки возникает образ образованнейшей женщины своего времени, друга и соратника графа М.С. Воронцова в благородном деле – заселить крымское побережье, привлечь сюда людей со средствами и с желанием принести пользу отечеству. Ей это удастся, и так возникает ее окружение: видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. В книге представлена целая галерея этих лиц. Это баронесса Крюденер, приятельница Александра I, ее дочь баронесса Беркгейм с мужем; кн. Софья Сергеевна Мещерская, родная сестра кн. Голицыной, и друг императора Александра, и ее дети – племянники княгини; князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения, обер-прокурор Синода, друг двух императоров; князь Василий Сергеевич Голицын, внучатый племянник Г.А. Потемкина; Татьяна Борисовна Потемкина, известная благотворительница и друг царской семьи, и другие. Что же движет этими людьми? Религиозные настроения той эпохи, разделявшиеся самим императором, Александром I, объединяли людей, давали им энергию и силы, необходимые для подвижничества. К известным сведениям многое добавит и разъяснит переписка.

Княгиня (ее титул зачастую употребляется в переписке того времени вместо имени и с прописной буквы) приобрела статус своего рода старейшины не только среди колонистов, но и местных татар. Выбрав место для постройки дома под скалой, на крутом склоне, она сама придумала себе прозвище Старуха скалы, *La vieillesse du rocher*, в духе романтизма начала века, и так называла себя в письмах Воронцову. Удивляло и ее одевание: она постоянно носила мужскую шинель и длинный сюртук, а также брюки, в которых удобно было ездить верхом по крымскому бездорожью. За поясом у нее была нагайка или хлыст, необходимая принадлежность для верховой езды, но вокруг него у мемуаристов XIX столетия сложились целые легенды, согласно которым княгиня нередко пускала его в ход, наказывая прислугу, домашних, исправника и тем якобы «держала в страхе всю округу».

В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла княгиня предпочитала мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Все сказанное – отнюдь не повод считать ее «мужеподобной старухой», как пишут некоторые. В Крыму она поселилась в возрасте 45 лет; те, кто видел ее в то время, подчеркивают благородство ее облика, энергию, образованность и вкус. Немного странным может показаться лишь сочетание чепца и одевания типа редингот, приталенного двубортного пальто с отворотами, в то время исключительно мужского, которое со временем войдет в моду и у женщин.

«Внутренняя религиозность», «христианская философия», по выражению брата А.С. Голицыной Н. Всеволожского, были предназначены для круга близких людей. В отношении к ним мы увидим много нежности, готовности прийти на помощь, немного замаскированной добродушной насмешливостью и самоиронией. Княгиня в юности путешествовала по Европе, вела обширную переписку, была широко и разносторонне образованной женщиной.

В ее доме в Кореизе была собрана большая библиотека, регулярно приходили газеты и журналы, и всем этим могли пользоваться ее соседи.

Письма позволяют судить о характере княгини, крутом и властном; вместе с тем в них нет и следа «религиозного фанатизма, мистицизма, миссионерства и т. п.», из чего сложился «миф княгини Голицыной», якобы чуть ли не насильственно обращавшей татар в христианство. В мемуарах и записках нередко утверждения, согласно которым княгиня Голицына в сопровождении спутников совершала миссионерские поездки по татарским селениям, пытаясь обращать мусульман-татар в христианскую веру. Никаких упоминаний о чем-либо подобном в письмах не встречается. Похоже, что такая легенда сложилась еще в Петербурге и впоследствии повторялась, обрастая «подробностями» как снежный ком. В самом деле трудно было объяснить «добровольно-принудительный» отъезд лиц из близкого окружения самого государя, причем не куда-нибудь в свои поместья, а в такую далекую неизведанную страну – Крым, вдобавок населенную татарами-мусульманами! Зная их религиозные пристрастия, нетрудно было предположить, что они «уехали проповедовать Евангелие татарам».

Текст сопровождают иллюстрации, живопись и графика, воспроизводящие облик Южного берега 1830-х гг. XIX в. Мы видим пустынный берег, с едва заметными скоплениями домиков на местах, где сегодня Ялта, Ливадия, Алушка... Кореиз, селение в 30 домов, спустя 5–8 лет на изображениях 1830–1834 гг. уже выглядит как имение с церковью, домом княгини, винподвалом, парком и виноградниками. Вдали виден замок князя Александра Николаевича Голицына, в свое время обер-прокурора Синода, затем министра просвещения, а впоследствии – воспитателя царских детей. Этот замок был построен под руководством княгини Голицыной, силами крымских архитекторов и согласно пожеланиям князя в письмах из Санкт-Петербурга, адресованных княгине Голицыной. Сохранившийся замок в Гаспре можно считать творением княгини, не зря ее вкус ценили и А.Н. Голицын, и М.С. Воронцов. Из писем известно, что она строила поместье для генерала И.О. Витта и Каролины Собаньской в Верхней Ореанде. Находясь в постоянном контакте со знаменитым Кебаком, создателем парка в Алушке, и со Стевеном, директором Никитского ботанического сада, Голицына принимала участие в закладке виноградников и парков в разных имениях Южного берега. Их владельцы были связаны между собой родством, перепиской, взаимными посещениями, обменом семенами и саженцами для сада, а также книгами и газетами. Наконец, все они являлись знакомыми или близкими друзьями Пушкина; именно сюда пришли письма о его дуэли и гибели, которые будут, наконец, опубликованы в нашем переводе.

Роль княгини А.С. Голицыной кратко и емко подытожена в обращенных к ней словах графа М.С. Воронцова, называющего себя *«человеком, которое вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, которое вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега»*².

² Все публикуемые письма печатаются в редакции оригинала в современной орфографии.

Глава I

Основательница первой колонии на Крымском побережье – княгиня А.С. Голицына

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I. Княгиня А.С. Голицына, урожд. Всеволожская – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер. Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым. А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I. Александр I – гость Кореиза. Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции. Восхваление Южного берега и привлечение новых владельцев. Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах М.С. Воронцову. Ссора с М.С. Воронцовым и примирение.

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I

Об основательнице Кореиза – самого первого крупного имения Южнобережья, княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудаковатая и сумасбродная «старуха в скалах» – выражение, переделанное острословами в «старый демон». В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла (активная езда в котором была небезопасной, а то и попросту невозможной) княгиня носила мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Эти и подобные им «странности» в поздних мемуарах обросли легендами, в которых мы постараемся разобраться. Однако основательница огромного – в 44 десятины – имения на целинных землях крутого крымского побережья, сумевшая увлечь и организовать целую колонию переселенцев, заслуживает достаточно серьезного и вдумчивого отношения. Да и не она одна, но и ее окружение – видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. Что же движет этими людьми?

Здесь приходится предпослать дальнейшему повествованию небольшое предисловие о некоем этапе развития духовной жизни русской аристократии религиозно-мистического характера, характерном для второй половины царствования Александра I. Перед нами пройдет галерея лиц, принадлежащих к высшей аристократии и посвятивших свои усилия – как это ни странно звучит для уха читателя, получившего образование в советских учебных заведениях, – решению социального вопроса. Но в отличие от декабристов они искали это решение не на путях брато- и цареубийственной революции, а на путях милосердия и благотворительности. Труды на ниве служения ближнему – вот что облагораживает души, а это – конечная цель любых трудов. За истекшие десятилетия много было сделано, чтобы опорочить саму идею благотворительности и личных усилий, которым противопоставлялась идея государственных служб соцобеспечения. Неудивительно, что люди, движимые энергией духовно-религиозного возрождения, забыты. Но благодаря тому, что в приливе этой энергии они посвятили часть своих усилий обустройству и украшению крымского побережья парками, дворцами, садами и виноградниками, которые радуют нас и сегодня, мы вспоминаем эти имена.

В духовном развитии начавшей формироваться при Петре новой культурной элиты России с середины XVIII по середину XIX в. прослеживается два этапа. К середине XVIII в. ее представители осознали недостаточность этатизма для русской культурной перспективы. Во второй половине XVIII в. элита отходит от первоначального культа всепроницающего государственного механизма, для которого индивид, – лишь винтик, и открывает масонство, с его пантеистической метафизикой и религиозным восприятием космоса. Ориентированное на внутреннее самоусовершенствование, оно оказало решающее влияние на формирование интеллектуальной элиты России.

Эпоха царствования Александра I – другой важный этап российского историко-культурного становления. Русское образованное общество всецело охватывается влиянием немецкого пиетизма (благочестия. – *Прим. авт.*), который возводится на уровень чуть ли не государственной идеологии.

Квиетизм, пиетизм, гернгутеры³, сочинения таких авторов, как И.Г. Юнг-Штиллинг, В.Ю. Крюденер, – таковы были наиболее яркие черты движения религиозного обновления в Европе, напрямую отразившиеся в российской жизни. Александр I разделял центральные идеи европейского религиозного возрождения и пытался внедрять их в России. Император встречался с гернгутерами, И.Г. Юнгом-Штиллингом, В.Ю. Крюденер, которая в особенности обратила его внимание на идеи квиетизма и пиетизма. Они привлекали Александра I тем, что это была серьезная альтернатива рационализму, романтизму и просветительской философии. При этом идеи духовного объединения христиан, стирание посредством религиозного просвещения сословных границ вполне отвечали либеральным воззрениям императора. Наконец, лозунг христианского единства использовался Александром I и во внешней политике.

Религиозно-философские взгляды Александра I с трудом поддаются реконструкции. «Северным сфинксом» императора называли не напрасно. И хотя Канцлер Австрии князь Меттерних называл Александра I политиком, легко подчинявшимся велению обстоятельств, он прекрасно отдавал себе отчет, что русский император проводит достаточно последовательный внешнеполитический курс, часто маскируя его религиозными идеями.

Источники формирования религиозного мировоззрения Александра I были те же, что и у большинства представителей высшего света начала XIX в. Пиетизм – религиозно-мистическое течение (от лат. *pietas* – благочестие), придававшее большее значение внутреннему религиозному чувству, личному переживанию общения с Богом и самостоятельному изучению Писания, чем соблюдению обрядов. И читать Библию самому полезнее, чем слушать проповедника.

Рационализму Просвещения пиетизм противопоставлял культ религиозного чувства. Пиетисты придавали большее значение внутреннему благочестию, деятельной любви, нравственному усовершенствованию и искреннему раскаянию, чем неуклонному соблюдению церковных правил и предписаний. Акцент был сделан на нравственной стороне христианства, при этом вопросы вероучения, догматики, обрядности отошли на второй план. Пиетисты продолжали числиться членами своих церквей, но собирались на отдельные собрания, состоявшие в чтении Библии и взаимном нравственном назидании. Последователи течения порицали любые развлечения, смех и яркие одежды, напоминая в этом английских пуритан.

Христианин должен утверждать Христа всей повседневной нравственной жизнью, личной святостью, чуткостью к нуждам других. Вера понималась как глубоко личное дело каждого, богослужение – как эмоциональное переживание. Религиозные чувства ставились выше всех богословских догматов, интеллектуальных построений, религиозных авторитетов, символов веры, церковной традиции.

В истории царствования и биографии императора Александра I имеется еще немало спорных и неизученных проблем, в частности «правительственного либерализма» в начале царствования Александра I, характер его социальной политики. В литературе весьма разноречивы оценки его позиции в «польском», «финляндском» и «греческом» вопросах. Так, до сих пор не выяснено до конца, чем были вызваны в 1821 г. отказ Александра I от откры-

³ Гернгутеры, выходцы из саксонского города Гернгут, разделявшие разновидность протестантского учения. Особенность вероучения гернгутеров – так называемая «религия сердца»: эмоциональное переживание человеком мистического единства с Христом как хранителем мира. Гернгутеры сосредоточили особое внимание не на догматике, а на нравственной стороне религии, в соответствии с евангельским учением. Это направление распространилось в Германии, Северной Америке, Латвии и Эстонии. После издания Екатериной II манифеста о приглашении в Российскую империю иностранных колонистов гернгутеры одними из первых основали в 1765 г. свою колонию в Сарепте (Царицынский уезд Саратовской губернии; сейчас Красноармейский район г. Волгограда). После смерти в 1817 г. проповедника Генриха Штиллинга-Юнга гернгутеры из Вюртемберга и Баварии добились особого разрешения у Александра I на поселение в Закавказье. Почти девять тысяч членов общин, распродав имущество, отправились на восток. Часть погибла в пути, некоторые из них осели в Бессарабии и вблизи Одессы.

того судебного преследования, выявленного по доносам, декабристского тайного общества «Союз благоденствия» и решение не обнародовать такой важный документ, как манифест 1823 г. о передаче престола Николаю, минуя Константина. Биографами так и не объяснены причины «душевной депрессии» Александра в последние годы его царствования. Жизнь и деятельность этого, несомненно, незаурядного монарха России ждет обстоятельного исследования.

Развитие мистицизма, характерная черта общественного настроения второй половины царствования Александра, во многом связано с душевным настроением самого императора. После 1812 г. в его сознании происходит сильный перелом. Прежние либеральные и великодушные идеи и стремления постепенно вытесняются новыми влияниями, мистическими и религиозными. Неудивительно, что личные взгляды императора Александра, который оказывал внимание знаменитому мистiku Юнгу-Штиллингу, подпадал под влияние пие-тистки-мечтательницы г-жи Крюденер, проповедовавшей нечто вроде возвращения к перво-началам христианства, любви к ближнему и филантропии, – производили сильное действие на умы. Изменения в характере Александра были предметом интереса западных истори-ков, более свободно высказывавших свои наблюдения. Александр получил воспитание в духе XVIII в. Историк Шницлер так передает слова, сказанные императором в 1818 г. епи-скопу Эйлерту: *«Императрица Екатерина была великой женщиной, и память о ней навсегда останется в истории России. Но что касается той части воспитания, которое развивает истинное благочестие сердца, то в то время при петербургском дворе оно было таким же, как и повсюду: много слов, но мало смысла; много внешней обрядности, но святая сущность христианства оставалась скрытой от глаз. Я чувствовал пустоту в душе, и смутное пред-чувствие сопровождало меня, в то время как я много разъезжал, предавался развлечениям. В конце концов, пожар Москвы просветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях битвы наполнил мое сердце жаром веры, какого оно раньше не знало. С этого момента я осознал Бога таким, каким открыло Его нам Святое Писание; с тех пор я научился понимать и отныне понимаю Его волю и закон, и решился посвятить только Ему и славе Его мое царствование и меня самого, зрела и укреплялась во мне. С этого времени я стал другим человеком...»*⁴

На христианских принципах любви к ближнему, мира и согласия между народами, по мысли Александра, должен основываться Священный союз. Но для этого Священное Писа-ние должно стать доступным народам, причем на их собственном языке. Отсюда весьма естественной была его поддержка деятельности Библейского общества, поначалу весьма активная: *«Следует распространить святыне книги такими, какими они нам даны. Коммен-тарии неудобны тому что в той или иной степени подменяют текст идеями самого интер-претатора. Каждый христианин, независимо от вероисповедания должен свободно вос-принимать воздействие Священной книги, благотворное и стимулирующее...»*⁵

Деятельность Российского библейского общества отчасти пришла в столкновение: 1) с мнениями образованных людей, которые видели в ней распространение обскурантизма и фанатизма и 2) со взглядами крайних консерваторов, а также и с воззрениями истинных ревнителей церкви, усмотревших в деятельности Общества угрозу основам православия.

Поначалу православное духовенство под влиянием императора живо откликнулось на просветительную деятельность Библейского общества, которая приобрела в его среде искренних и преданных сторонников. Но вскоре Библейское общество сделалось центром притяжения мистиков, в их проповеди какого-то нового Христова царства духовенство

⁴ Schnitzler J.H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. – P., Jules Renouard et Co. – 1847. – P. 462.

⁵ Schnitzler J.H. Histoire... 1847. – P. 463–464.

усмотрело опасность для православия, в особенности тревогу вызывало распространение мистической литературы, которая в то время чрезвычайно размножилась. Еще с самых первых годов царствования Александра непосредственный ученик Новикова – Лабзин предпринял ряд своих мистических изданий и в 1806 г. основал особый орган для распространения своих идей – «Сионский вестник». Журнал был, впрочем, скоро запрещен, но в 1817 г., вскоре после создания Библейского общества, возобновлен, причем Лабзин стал играть в нем активную роль.

Склонность к мистицизму самого императора и близкого к нему князя А.Н. Голицына, поставленного во главе духовных учреждений, поставила эту литературу в чрезвычайно выгодные условия. Книги мистического толка чрезвычайно размножились и усиленно распространялись; некоторые из них даже даром рассылались в библиотеки при училищах. *«Вся эта литература, – замечает Пытин, – большей частью была переводная и происхождения протестантско-мистического; в своих исканиях “внутренней” церкви она нередко нападала на то, что называла внешней или наружной церковью, осуждала ее недостатки и т. п., и хотя осуждения эти были, собственно, нападениями немецких мистиков на протестантскую ортодоксию, но их можно было истолковать как осуждение церкви православной. Все это возмущало ревнителей православия»*⁶.

Вражда духовенства и Общества особенно усилилась после 1817 г., когда образовано было министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого поставлен был все тот же князь Голицын. Министерство это, в котором дела православные ведались наряду с делами католическими, протестантскими, наконец, магометанскими и иудаистскими, подавало повод говорить об унижении господствующей церкви, которая ставилась в один ряд с иноверными исповеданиями, даже нехристианскими. Главные места в двойном ведомстве кн. Голицына были отданы светским библейским деятелям, которые таким образом сделались начальством по отношению к духовенству, а это оскорбляло его сословный дух и приводило к столкновениям духовенства с библейскими деятелями. Министерство духовных дел было закрыто, дела иностранных исповеданий оставлены за министром народного просвещения, а дела по православному исповеданию отошли к синодальному обер-прокурору. Несмотря на письма митрополита Серафима к государю о вреде всеобщего обращения Библии, о союзе Библейских обществ с мистическими лжеучениями и необходимости закрытия их, о порче, проникшей не только в светские, но даже в духовные училища, они остались без ответа. Библейское общество было слишком близко императору Александру, и врагам Общества не удалось добиться формального его закрытия при жизни императора. Это сделал Николай I по вступлении своем на престол; уступая настояниям митрополитов Серафима и Евгения (Болховитинова), он издал указ от 12 апреля 1826 г., положивший конец Российскому Библейскому обществу. В последующее тридцатилетие (1826–1856) к самой идее перевода книг Священного Писания на современный русский язык относились враждебно. При этом распространение Священного Писания на языках иностранных среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий.

⁶ Пытин А.Н. Библейская секта 20-х годов // Вестник Европы. – 1871, кн. 3.

Княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожд. Всеволожская, – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер

Княгиня А.С. Голицына (1779–1838) – личность весьма неординарная. Она была младшей дочерью генерала-поручика С.В. Всеволожского. О роде Всеволожских стоит упомянуть особо. Род, начало которому было положено князьями Смоленскими, потомками Рюрика, знал немало падений и возвышений. Последнее как раз и связано с детьми Алексея Степановича, генерал-майора, д.с.с. – Всеволодом, Ильей и Сергеем. В 1762 году авантюрные братья приняли участие в дворцовом перевороте, приведшем к власти Екатерину II, за что были щедро вознаграждены «чинами, имениями и деньгами». Кстати, наследником огромного пермского имения бездетного Всеволода Алексеевича впоследствии стал Всеволод Андреевич, сын четвертого брата, Андрея. А уже его сын – князь Никита Всеволодович Всеволожский – приятель Пушкина, широко известный в светских кругах того времени.

В родовом имении в Москве из братьев остался лишь Сергей Алексеевич. Дети его Софья, Анна и Николай в значительной мере унаследовали авантурную жилку семейства Всеволожских. Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857), участник русско-шведской войны, военных действий в Польше, в 1808 г. стал вице-президентом Московской Медико-хирургической академии, а когда та закрылась, решил на покупку дорогостоящей типографии. 150 тысяч рублей, сумма по тем временам огромная, была потрачена на приобретение оборудования во Франции от Дидо и шрифтов на нескольких языках. За все время действия типографии было выпущено более 140 книг: биографии, книги по истории (в том числе труд самого Всеволожского «Историко-географический словарь Российской империи»), мемуары, карта Москвы.

Пожар 1812 г. усадьбу Всеволожских не затронул. Сами хозяева спешно выехали во Владимирское имение, а в главном доме поселился французский генерал Комван. Табличка, прикрепленная на типографии, гласила, что отныне это «Императорская типография Великой армии». Разнообразные шрифтыгодились для печати бюллетеней и воззваний Наполеона. Впоследствии Николай Сергеевич был тверским губернатором.

Обе сестры Н.С. Всеволожского – личности незаурядные, оставившие свой след в истории Александровской эпохи. Старшая, княгиня Мещерская Софья Сергеевна (1775–1848), – в юности фаворитка великого князя Александра Павловича, от которого родила сына Николая, до конца жизни императора сохраняла на него высокое духовно-нравственное влияние.

Младшая, княгиня Голицына Анна Сергеевна (1779–1838) – владелица Кореиза, положила начало активному заселению Южного берега Крыма.

С ранних лет она начала интересоваться вопросами религии. Еще не будучи замужем, она написала книгу под названием «Примерный ребенок, или Жизнь маленького графа Платона Зубова», с матерью которого, графиней Натальей Александровной Зубовой, знаменитой «Суворочкой», дочерью полководца А.В. Суворова, была очень дружна. Позднее А.С. Голицына издала еще одну книгу, но уже на другую тему – «Согласование в форме реестра для облегчения нахождения любого места в Новом Завете». Название книги говорит о том круге интересов, которые волновали княгиню. Благодаря огромному состоянию она была «завидной невестой», но воспользовалась этим обстоятельством, чтобы получить свободу распоряжаться своей жизнью⁷. Она вышла замуж за князя И.А. Голицына, адъютанта Великого князя

⁷ Вероятно, такому решению предшествовало некое увлечение и последующее разочарование. Об этом говорят скупые слова ее брата Николая, посетившего сестру спустя 10 лет в Кореизе: «Не знаю, для чего воображение переселило меня ко дням нашей молодости, но вместо прелестной, стройной, ловкой женщины я держал в объятиях согбенную, худую ста-

Константина Павловича. Князь мечтал поправить свое материальное положение женитьбой, проиграв перед этим целое состояние. Брак ее вызывал много разговоров. Согласно рассказу Каролины Эшлиман, сразу после венца новобрачная передала мужу портфель с деньгами, со словами: *«здесь, князь, половина моего приданого, вы возьмете это себе, а засим – позволите с вами проститься и пожелать вам всего наилучшего: каждый из нас пойдет своей дорогой. И вы, и я сохраним полную свободу действий»*⁸. После этого муж, кн. Иван Александрович Голицын, известный под прозвищем *Jean de Paris*, навсегда оставил ее в покое и поспешил в Париж, где впоследствии женился на француженке и умер в 1846 г., не оставив потомства.

Отличаясь независимостью суждений и нрава, Анна Сергеевна видела в замужестве путь к свободе действий, единственно доступный для женщины в соответствии с нравами общества. *«Она вела образ жизни крайне оригинальный и свободный, – пишет ее дальний родственник кн. Голицын Н.Н., – например, ходила постоянно в мужском костюме, длинном сюртуке с капюшоном... Я имею портрет ее в старости, в том же костюме, сделанный в конце 30-х годов; редкие экземпляры этой литографии находятся у родственников ее и бывших знакомых»*⁹. В 20-х г. XIX в. она стала одной из видных деятельниц религиозно-мистического движения в России. Увлеченная религиозными вопросами, она сблизилась с кружком мистиков и пиэтистов, подружилась с баронессой Крюденер, приехавшей в Петербург.

Крюденер (рожд. Фитингоф, 1764–1824) познакомилась с Александром в 1815 г., до этого в Карлсруэ она сблизилась с императрицей и ее фрейлиной Р.С. Стурдзой. В 1818 г. она приехала в Россию, с разрешения царя прибыла в Петербург и вошла в кружок русских мистиков. О восприятии этой весьма неоднозначной фигуры русским высшим обществом колоритно повествуется от имени героини «Рассказов бабушки» Благово.

*«В 1817 или 1818 году приехала в Петербург одна баронесса Крюденер, жена бывшего нашего посла при Прусском дворе. Во время пребывания государя в Париже она очень его привлекала своим умным и живым разговором и предсказала ему, что Бонапарт не усидит на острове Эльбе, и когда это сбылось, государь стал иметь к ней особенное доверие. Она была какая-то восторженная проповедница, вроде миссионерки-просветительницы, которая всюду бродила и проповедовала обращение ко Христу-Спасителю, словом, была презагадочная личность, пророчица не пророчица, а иллюминатка, и была почитаема некоторыми за вдохновенную распространительницу христианства. Другие ее гоняли и досаждали ей, но она всякие оскорбления переносила с терпением и кротостью. Государь часто видался с нею, бывал нередко у нее и просиживал по целым вечерам. Сначала ее опасались, видя в ней что-то необыкновенное; но когда государь показал к ней расположение, около нее собрался целый кружок поклонников и последователей ее учения. Ей хотелось было ходить по улицам в Петербурге и проповедовать, но ей этого не дозволили... Года три или четыре прожила она в Петербурге, будучи в большом доверии и фаворе, да только не сумела удержаться – проболталась, говорят, насчет некоторых предположений касательно Греции, про которые государь передавал ей с глазу на глаз. Этим воспользовались люди, опасавшиеся ее влияния и расположения к ней государя, и, наконец, достигли того, что ей велено даже было выехать из Петербурга; это случилось в 1822 году»*¹⁰.

рушку. Однако черты лица ее по-прежнему выражают ум, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась княгиня Голицына. И она, как и я, но, может быть, с большими правами могла мечтать о счастье! И ее, как меня, оно мгновенно польстило и обмануло!» (Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Италию, Париж в 1836-37 гг. – М., 1839. – Т. 1.С. 56–57.

⁸ Воспоминания К.К. Эшлиман // Русский Архив. – М., 1913. № 1. – С. 329.

⁹ Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. 1870. С. 903.

¹⁰ Рассказы бабушки. С. 293–294.

Как произошло сближение Крюденер и кн. Голицыной, можно проследить по строкам книги Ш. Эйнара, биографа баронессы. Дочь проповедницы и ее зять Беркгейм были горячими поклонниками и распространителями ее учения. Барон Беркгейм, полицейский генерал-комиссар в Баварии, под впечатлением религиозных сеансов Крюденер оставил службу и состоял при баронессе. В 1815 г. он женился на ее дочери. После изгнания из Европы, осенью 1820 г. чета Беркгейм жила близ Санкт-Петербурга на даче у княгини Анны Голицыной. Барон тяжело заболел. Крюденер пишет Анне Голицыной письмо *от 15 декабря 1820 г.* с благодарностью за гостеприимство, оказанное дочери и зятю.

«Верная подруга во Христе, как мне благодарить вас, как не возлюбить вас? Что могу я сделать для вас, дорогая Анна, сестра моя? Я целую ваши руки с признательностью, я вижу с восхищением, что вы одарены многими достоинствами.

Ах, моя дорогая подруга, велика моя надежда, больше чем мои страдания, что вы пойдете царским путем; Господь увидел в вас душу, созданную для Него, и, избрав вас своим благословенным орудием, он поместил вас в среду страданий и крестного пути. Я люблю вас всем сердцем; идите, идите, отвергните мир от себя; пусть ваши глаза видят лишь Господа, его крест и его неисчерпаемую любовь. Закройте глаза, станьте глухи ко всему и призывайте единственное благо – любовь к Господу»¹¹.

«Благословите моего сына, мою дочь, моя дорогая вторая дочь; пусть все обожают вас, следуют за вами, о Боже, и пусть из этих слез вырастут цветы у ваших ног, цветы вечности» (там же).

Крюденер попросила у императора позволения отправиться к дочери и зятю в Санкт-Петербург где барон Беркгейм тем временем получил место у кн. А.Н. Голицына по министерству народного просвещения. Император, находившийся на конгрессе Священного Союза в Троппау, дал благоприятный ответ. 2 февраля 1821 г. баронесса Крюденер появилась в Санкт-Петербурге. Благодаря ее приезду и совместным молитвам тяжело больному барону стало лучше.

«С прибытием в Санкт-Петербург мадам Крюденер вновь стала предметом оживленного интереса, – пишет Эйнар. – Русское общество, такое мобильное, такое впечатлительное и падкое на все необычное, спешило к княгине Голицыной, чтобы видеть и слышать мадам Крюденер: бедные и богатые, штатские и военные, дворяне и мещане стекались слушать ее увещания и предостережения. В толпе можно было заметить и несколько членов мистических обществ, сложившихся в последние годы царствования Екатерины»¹².

Дружба с княгиней А.С. Голицыной и кн. А.Н. Голицыным, ее дальним родственником по мужу, но весьма близким духовно, поставила Крюденер в центр петербургского мистицизма, которому, казалось, покровительствовал сам император. Александр тогда сохранял свои надежды на распространение чистого христианства между народами и благосклонно смотрел на пеструю смесь разных видов религиозной экзальтации в обществе. Библейские общества, поощряемые указом императора и возглавляемые князем Голицыным, генерал-прокурором Синода, смыкались со сторонниками мистицизма в стремлении освободить религиозную мысль.

¹¹ Eynard Ch. Vie de madame de Krudener. – Т. 2. – Р., 1849. – Р. 338.

¹² Eynard Ch. Op. cit. Р. 344.

Баронесса надеялась на более благожелательное отношение к своей проповеднической миссии в России, однако осенью 1821 г. отношение императора к ней стало меняться.

Призывы Крюденер к крестовому походу против турок, порабоцевавших греков, были расценены как попытка вмешаться во внешнюю политику России.

«Еще живя в Лифляндии, – писал А.Н. Пыпин, – она делала свободу Греции предметом своих мистико-пророческих гимнов; теперь она стала проповедовать об этом в гостиных... объявляла, что именно Александр и есть орудие, выбранное Богом для восстановления Греции; это назойливое приставанье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революциями, Александр представлял теперь Задачу Священного Союза именно в подавлении всяких революционных движений, стремившихся, по его мнению, к низвержению и алтарей и престолов»¹³, к которым теперь причислялось и греческое освободительное движение. Как инициатор и участник Священного союза, взявшего на себя обязательство поддерживать в Европе порядок, Александр, некогда сочувствовавший грекам, а теперь озабоченный тем, как подавить их восстание, видел крайнюю неуместность призывов Крюденер, тем более что в русском обществе были мнения, что Россия обязана защищать своих единоверцев. Он решил остановить проповедницу и поначалу сделал это в мягкой форме. По словам Эйнара, он написал ей письмо на восьми страницах, где указал, что, удовлетворяя стремления греков, он опасается попасть на ложный путь и благоприятствовать тем нововведениям, которые принесли столько жертв и так мало добра (намек на революции. – Прим. авт.), но в особенности принятое на себя обязательство действовать заодно с союзниками; далее, он порицал ту свободу, с которой она осуждала действия его правительства; создавая волнения вокруг трона, она нарушала свои обязанности как подданной и как христианки, и что ее присутствие в столице возможно только на условии – хранить почтительное молчание об образе действий, которого он не мог изменить по ее желаниям».

Это письмо император послал ей через Александра Тургенева, с тем чтобы, по прочтении письма баронессой Крюденер, он взял его назад. Но Крюденер, убежденная в том, «что освобождение Греции было начертано в небесах», не могла согласиться на такое ограничение своей проповеднической деятельности и предпочла вернуться в конце 1821 г. в свое имение Коссе¹⁴. Здесь она предалась подвигам благочестия и аскетизма вместе со своим спутником и единомышленником Кельнером. Зимой 1822 г. она провела следующим образом:

«Кроме поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила в комнате без печки и двойных рам температуру более 20 градусов по Реомюру, не замечая этого; таким образом, она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Эти лишения были для нее лишь способом выразить свое убеждение и свою надежду на то, что жизнь ее, как и сердце, – на небесах... И действительно, душа ее была радостна и даже тело ее в течение нескольких месяцев, казалось, без труда подчинялось строгому режиму, которому она его подвергала»¹⁵.

Вскоре, не выдержав этих опытов, скончался Кельнер. Чета Беркгейм посетила ее зимой 1823 г. и была поражена ее «радостной просветленностью». Однако к весне 1823 г. появились признаки чахотки. Ей рекомендовали южный климат, и в этих обстоятельствах

¹³ Пыпин А.Н. Госпожа Крюденер // Вестник Европы. – 11. С. 241–242.

¹⁴ Eynard Ch. Op. cit. – P. 372–373.

¹⁵ Eynard Ch. Op. cit. – P. 375.

она с интересом восприняла планы княгини Голицыной, собиравшейся вместе с супругами Беркгейм в Крым, чтобы основать там колонию.

Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым

Запрет в 1822 г. тайных и мистических обществ был шоком для многих, считавших себя единомышленниками Александра I. При этом наиболее ярким фигурам, таким как Крюденер и Анна Голицына, предписывалось воздержаться от собраний в столице. Они предпочли своего рода «эмиграцию» единомышленников, избрав Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Однако были и другие, более веские и серьезные причины. Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. Он требовал крупных капиталовложений, которые были тогда под силу только богатым магнатам, аристократии. Биограф баронессы Крюденер Шарль Эйнар прослеживает моменты принятия этого решения, которое вызревало постепенно. Так, он сообщает, что *«Крюденер живо интересовалась проектом императора открыть доступ в южную Россию для швейцарских, эльзасских и вюртембергских колонистов. Она только желала бы, чтобы им придали более миссионерский характер»*¹⁶.

Поэтому, когда ответом на запреты правительства стало решение о переселении и в качестве такового был избран Крым, мысли эти упали на подготовленную почву. Кн. Голицына, имея во главе переселенцев идейного вождя в лице Крюденер, сама взяла на себя всю практическую сторону.

*«Княгиня принадлежала к числу тех редких душ, – отмечает Эйнар, – которые не отступают ни перед какой трудностью, и умеют внушить окружающим уверенность в том, что это их собственные мысли. Г-же Крюденер предписано было провести зиму на юге, и убежденность в том, что климат Крыма будет полезен для ее столь драгоценного, сколь и хрупкого здоровья, стала преобладающим мотивом при подготовке путешествия. Весь конец 1823 и начало 1824 гг. ушли на подготовку к отъезду. С началом весны тронулись в путь. Чтобы избавить м-м. Крюденер от тягот путешествия, княгиня Голицына решила плыть по Волге... Этот переезд доставил м-м Крюденер давно не испытанное удовольствие. Вид живописных берегов, меняющийся пейзаж, по-весеннему яркий и свежий, оживил ее. По прибытии в Феодосию, она почувствовала себя лучше. Побыв здесь какое-то время, отправились в Карасубазар, куда прибыли в сер. сентября... Болезнь прогрессировала, и м-м Крюденер умерла в ночь под Рождество – с 24 на 25 декабря 1824 г.»*¹⁷.

Спустя немало времени дальний ее родственник, князь Н.Н. Голицын, писатель, историк, публицист (1836–1893), объясняет это выселение стремлением «основать новую колонию в “новых” же местах, где они легко могли бы пропагандировать свое учение, отправлять общественные моления, учредить рассадник трудолюбивых пиетистов наподобие германских того времени религиозных корпораций. При отсутствии проявлений русского религиозного сознания, эта “немецкая штука” легко удалась. Они избрали эту обетованную Америку Южный берег Крыма, о котором тогда доходили до Петербурга слухи как о земном рае, богатой стране и почве, вместе с тем глухой и необитаемой, где делай, пожа-

¹⁶ Eynard Ch. Op. cit. – P. 274.

¹⁷ Eynard Ch. – P. 381.

луй, что хочешь! Княгиня была душою этой экспедиции и собрала компанию из ста колонистов преимущественно немцев и греков, садовников, виноделов, земледельцев и проч... Ехать сухим путем было невозможно в такую даль и с такою массой народа: решено отправиться водою, каналами, Волгою и Доном. Снаряжена была колоссальная барка, на которую вся эта колония села в Петербурге, среди бела дня, у Калинкина моста и тронулась в путь»¹⁸. Путешествие было нелегким и длилось почти полгода: колония переселенцев, состоявшая из лиц разного звания – простолюдины и аристократы, садовники и архитекторы, выходцы из России, Лифляндии, Швейцарии, Германии и Франции, – двинулась сначала водным путем по Волге и Дону, потом через Таманский полуостров попала, наконец, в благословенную Тавриду. Не раз сильный характер и энергия княгини спасали участников этого невиданного предприятия. Так, однажды во время сильнейшей бури на Волге, когда барка едва не перевернулась, она в критический момент собственноручно срубила мачту! Наконец, близко уже к желанной цели путешествия они чуть было не подверглись нападению лоцманов и ограблению. Всем было известно, сообщает Н.Н. Голицын, что «княгиня везла с собою 500 000 рублей ассигнациями на устройство колонии и покупку имения. Их вовремя предупредил один из путешественников, грек Талера, услышавший греческий разговор злоумышленников»¹⁹.

Как протекало это необычное путешествие? Некоторые его подробности сообщает французский писатель Луи Алексис Бертрен (1852–1918) проживавший в Феодосии и в Судак (отсюда псевдоним Луи де Судак). Его отец, приглашенный в качестве инженера на строительство железной дороги, женатый на дочери керченского градоначальника А.З. Херхеулидзе[ва], уже обосновался в Крыму. Луи, получив образование во Франции, возвращается в Феодосию, где проживает семья отца, и посвящает себя литературе, одновременно исполняя обязанности французского, затем турецкого и даже испанского консула. Его интересуют судьбы французов, а более – француженок, оказавшихся в Крыму: дело «Ожерелье королевы», связанное с именем графини де Ламотт-Валуа, о котором публикует несколько очерков, поиски могилы баронессы Крюденер, скончавшейся в Крыму; попутно он сообщает некоторые подробности о княгине Голицыной. Источники его сведений – беседы со старожилами преимущественно европейского происхождения – Боде, Ларгье, Жакмар и др., а также архивные сведения.

Главным персонажем плавания на знаменитой барке для него является баронесса Крюденер, идейный вождь путешествия; основное внимание уделено соотечественницам – мадемуазель (он называет ее канониссой) Жакмар и так называемой графине Гаше (Гашет), под именем которой скрывается героиня нашумевшего дела об ожерелье королевы.

Согласно рассказу Жакмар, в передаче Луи де Судак, госпожа Крюденер спустя два(?) месяца плавания по Волге и Дону прибывает в Таганрог.

Английский консул извещен о прибытии барки, которая описывается как «небольшое широкое и плоское судно, способное нести лишь один четырехугольный парус. На носу выделялась грубо выполненная скульптура ев. Николая, раскрашенная самым необычным образом. На корме высился деревянный крест, украшенный ветками ели и выцветшими бантами... В одной из кают консул заметил трех женщин, сидящих вокруг стола, заваленного какими-то бумагами. Все трое читали раскрытые перед ними толстые книги. Их неподвижность, серые платья, белые чепцы, строгость позы, то, как падал на них свет, – все это придавало данной сцене какую-то фантастическую окраску... Графиня де Гаше сидела к нему спиной, но он смог хорошо рассмотреть остальных женщин, сидящих напротив: маленькую хрупкую блондинку госпожу де Крюденер и внушительную благородную княгиню

¹⁸ Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. – 1870. С. 904–905.

¹⁹ Голицын Н.Н. Указ. соч. – С. 906.

Голицыну, выражение лица которой представляло собой сочетание утонченности, аскетизма, строгости и насмешливости... Консул представился и, «против своего ожидания, получил такой теплый и непринужденный аристократический прием, как будто он находился в самом аристократическом салоне мира»²⁰.

Осень застала их в Карасубазаре (ныне Белогорск). В этом небольшом городке, так и не доехав до Южного берега, баронесса Крюденер, страдавшая чахоткой, скончалась в ночь под Рождество Христово – с 24 на 25 декабря 1824 г.

Послушаем же окончание рассказа мадемуазель Жакмар.

«Появление этих женщин в Крыму взбудоражило весь полуостров... Полиция-, получив соответствующие указания, всячески препятствует их миссии... Что касается кн. Голицыной, то, обосновавшись на своей замечательной вилле, она более не помышляла об обращении в другую веру (татар?)»²¹.

²⁰ Луи де Судак. Ероиня процесса «Ожерелье королевы». Ее пребывание в России. Ее смерть в Крыму // Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А. Французские путешественники в Крыму. 19 век. – Симферополь: Н.Оріанда. – С. 39–40.

²¹ Там же. С. 42.

А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I

Однако на неординарное решение княгини значительное влияние оказала другая выдающаяся личность, и это был граф М.С. Воронцов, в 1823 г. назначенный генерал-губернатором Новороссии. Семен Романович Воронцов, русский посол в Англии, и его сын Михаил, будущий генерал-губернатор Новороссии, обсуждали проблему Крыма еще в Англии.

Семен Романович Воронцов как-то узнал, что австрийский принц де Линь, получив от Екатерины II подарок – земли от Партенита до Кучук-Ламбата и посетив в 1787 г. в свите Екатерины II свои новые владения, очарованный красотой этой живописной местности, решил создать здесь плантаторское хозяйство, заселив земли английскими преступниками, неграми, скитавшимися по Лондону арабами. Проект потерпел неудачу после энергичного вмешательства С.Р. Воронцова. Де Линю пришлось, в конце концов, продать свой подарок русской казне. Но проблема заселения и освоения полуострова оставалась, и отец благословил сына на ее решение. Так, Семен Романович советовал сыну приобрести владения в Крыму еще в 1820 г., в письме от 9 сентября: *«По поводу Крыма, тот или та, кому Ришелье оставил свою землю, возможно, захочет ее продать, и это было бы хорошим приобретением для вас, друг мой, ибо это избавило бы вас от постройки дома, и увеличило бы ваше весьма малое владение, добавив преимущество в виде хорошо расположенного сада»*²². Таким образом, приобретение первых земель произошло еще во время пребывания графа за границей. В «Воспоминаниях» М.С. Воронцова за период 1819–1933 гг. также отражено приобретение земель крымского Южного берега. В 1820 г., в Париже, пишет он, *«никогда не бывав в Крыму, и по рекомендации герцога Ришелье, я купил у м-ра Стевена, директора Никитского ботанического сада, находившегося тогда в отпуске в Париже, земли мыса Мартьян и Ай-Даниля на Южном берегу Крыма... В 1822 г., будучи в Александрии (имение матери жены. – Прим. авт.), я совершил поездку в Одессу и, в первый раз, – в Крым»*. 7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. В следующем месяце сын получает от отца письмо, из которого следует, что уже обдумано решение избрать *«... в качестве основной резиденции Крым; хотя это место не является центром вашей обширной губернии, я считаю, что именно эта часть в особенности нуждается в улучшении, поскольку ею непостижимым образом пренебрегали... Крым заслуживает, чтобы ему уделили много внимания»*²³.

*«Наблюдаю с чрезвычайным удовольствием, – пишет Семен Романович в письме от 15 (25) октября 1825 г., – что прокладка дороги вдоль южного берега Крыма оживила эту часть полуострова, что край заполняется новыми поселенцами и культура винограда и оливок распространяется все более, и, что, наконец, земля растет в цене. Так как дорогу было приказано строить по вашим представлениям [правительству], вы получаете удовлетворение от того, что способствовали благополучию жителей, делая страну более заселенной, возделанной и богатой... Жаль, что так плохо знали политэкономия и не понимали, что страна без дорог всегда останется бедной и варварской»*²⁴.

Михаил Воронцов прекрасно сознавал необходимость привлечения в Крым людей со средствами, которые они могли бы вложить в освоение земли, но, воспитанный в Англии, сознавал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заста-

²² Архив князя Воронцова (далее – АКВ). Т. 17. С. 528. Письма С.Р. Воронцова сыну М.С. Воронцову.

²³ АКВ. Т. 17. – С. 287. Лондон, 1(13) июня 1823, получено 2 июня.

²⁴ АКВ. Т. 17.-С. 567–568.

вить силой свободных дворян переселиться на новые берега. Княгиня Голицына с ее огромным богатством, со связями в среде столичной знати, наконец, с ее волевым характером стала подарком судьбы. Он считал освоение Крыма делом государственного масштаба, и ему удалось увлечь этой идеей княгиню Анну Сергеевну Голицыну, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником – и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Сохранились черновики двух писем (оригинал на франц.), повествующие об этих настроениях. В первом из них, исполненном самоуничижения, она называет себя «старой, слабой и совершенно бесполезной» и обращается к государю со смиренной просьбой:

«Государь Вы владеете землями, совершенно бесполезными и, следовательно, бесполезными для Вашей страны; поэтому я осмеливаюсь просить Вас отдать мне несколько тысяч арпанов такой земли, чтобы пасти там стада овец»²⁵.

Но по прошествии некоторого времени с ней беседует граф М.С. Воронцов, и, видя состояние княгини, приходит к мудрой мысли направить ее энергию на освоение Крыма. И вот перед нами второе письмо, адресованное государю. Мы приведем его полностью, поскольку в нем впервые слышен голос самой княгини, совершившей нечто неслыханное, особенно для женщины – стать вождем целой колонии, выселившейся в необжитые земли, причем предприятие это увенчалось успехом!

«После зрелого размышления и внутренней борьбы с самой собой осмеливаюсь я писать Вашему Величеству. В 1824 г. я решила покинуть С-Петербург, удалиться от мира и общества и обосноваться на Южном побережье.

Так как мое здоровье требует благоприятного климата, я предпочла удалиться в места ненаселенные, где меня ждут лишения и трудности, но не покидать родины. Я пожелала провести свои годы забытой, вдали от цивилизованного общества.

Граф Воронцов, вдохновленный патриотическим пылом, считает Побережье (Крыма) неисчерпаемым богатством для России. Этот выдающийся администратор внушил мне веру в то, что при минимуме стараний и забот Побережье может снабдить всю Россию вином, оливковым маслом и миндалем и что это сбережет миллионы, потраченные на закупку этих вещей за границей. Меня увлекла идея заняться разведением винограда и оливок. Он сказал мне, что если бы я поселилась здесь, то смогла бы, более чем кто-либо другой, увлечь своим примером тех, кто хотел бы начать эти работы, что я стала бы опорой для желающих переселиться иностранцев – виноделов, бочаров, погребщиков, маслоделов, что они найдут в моем поместье те ресурсы, которые страна до сих пор не могла им предоставить, из-за трудностей с жизненными припасами, дорогами и т. д. Его красноречие, широта и разумность его взглядов меня убедили. Я улыбаюсь при мысли, что еще могу быть полезной и посвятить свое время служению моему Государю.

Покидая С-Петербург, я продала свой дом, ранее принадлежавший барону Николаи, частному лицу за 180 тыс. руб. Мой доход от земли и 700 душ крестьян достаточен для проживания, и потому я решила употребить эту сумму для разведения винограда. В эту годовщину восшествия В.В. на престол, я посадила 20 тыс. лоз лучших сортов винограда, 1500 оливок, 8000 саженцев миндаля, тем самым завершив дела этого года!

²⁵ РНБ, Отдел рукописей. Ф. 1000, О. 3, д. 256. 2 письма (черновики) кн. А.С. Голицыной императору (на франц. яз.)

Довольная результатами, я надеялась удвоить мою деятельность и завершить с Божьей помощью мои насаждения на будущий год. Но я получила новость: покупатель моего дома, хотя и знал, что я скорее продешевила, нежели имела выгоду от его продажи, и прожил в доме целый год! – отказался от покупки, написав, что дом слишком велик для него и что он его разорит. Я рассчитывала на 180 тыс., но теперь, напротив, должна выплатить ему 80 тыс. долга, так как он заложил дом в банк, чтобы облегчить себе платежи.

Государь, неужели я должна отказаться от того, что так счастливо начала, так как с тем, что я имею, я должна ежегодно платить в банк, содержать себя со всем моим окружением и довершить возведение строений, которые укроют нас от дождя и холода.

Благоволите, Государь, защитить начинание, столь полезное для Вашей империи. Когда я подумаю, что для августейшей церемонии Вашего Таинства, это освященное масло, которое делает Вас помазанником Божиим, священной особой в глазах и сердцах Вашего народа, – что это самое масло должно покупаться за границей, – при этой мысли я нисколько не колеблюсь умолять Ваше Величество защитить нас и оказать помощь в наших трудах. Благоволите, Государь, приказать купить мой дом, корона берет внаем многие дома для департаментов различных министерств, а это более расточительно, нежели покупка. Тогда я смогу продолжить дело, которое так удачно начала.

Я знаю, Государь, что бремя Вашей власти велико и заботы о вашей империи неусыпны, но Вы призваны царствовать и милосердный Бог уделит вам своей благодати, посредством которой Он может заботиться о целом мире и о последнем нищем; Он умножит ваши интеллектуальные способности, благодаря которым Вы, занимаясь целой империей, уделите внимание одной из ваших подданных. Наши духовные нужды в руке Божией, и помазанник Божий между Ним и его народом имеет власть даровать или отказать смертным в их мирских нуждах.

Благоволите, Государь, принять уверения и т. д...»

Так сама княгиня объясняет свое решение, в итоге которого она вместе с баронессой Крюденер, с ее дочерью и зятем – баронессой и бароном Беркгейм, возглавила переселение группы единомышленников в 1824 г. в Крым.

В ноябре следующего года, незадолго до своей смерти, Александр I, приглашенный Воронцовым на Южный берег, посетил Кореиз, где встречался с Анной Сергеевной Голицыной. Оттуда он отправился в Карасубазар, на могилу баронессы и пробыл там в молитве и размышлении довольно долго, отдавая дань той, которая духовно поддерживала его в зарубежном походе, предсказывая победу над Наполеоном, и горячо поддержала идею создания Священного союза в 1815 г. (см. подробнее ниже). Он и сам лелеял мысль провести остаток дней в Крыму, и с этой целью приобрел имение Ореанду. Зная о его религиозных настроениях в конце жизни, нетрудно предположить, что он желал бы, как частное лицо, оказаться в кругу духовных единомышленников, чью деятельность в столице вынужден был запретить как глава государства.

Александр I – гость Кореиза

Осенью 1825 г., когда постройка дома была еще только в самом начале, проезжал последний раз по Южному берегу император Александр I и по пути посетил кн. Голицыну. В описании путешествия императора, напечатанном в 1829 г., по выписям из камер-фурьерского журнала, прямо говорится, что *«26-го октября, проехав из Гурзуфа, где ночевал, Государь обедал в Ореанде, только что для него купленной, пробыл там до вечера, любовался иллюминацией гор и оттуда отправился к Княгине Голицыной, во владении коей существовала в то время лихорадка, ночь провел тогда Государь у одного татарина. 27-го октября прибыл в Алупку утром»*.

Приведем и более подробное описание последнего путешествия Александра по Крыму в книге немецкого историка Шницлера. Его сочинение интересно сообщением о дорогах, точнее, о крымском бездорожье того времени. Повествование усеяно также замечаниями о недомоганиях императора, которые автор связывает с верховой ездой, пешей ходьбой, увлечением сочными фруктами и т. п. Эти недомогания служили предвестием более серьезной болезни, которая и свела его в могилу. Интересны также и его сообщения о душевном состоянии императора, сознававшего, что в стране зреет заговор.

«...В России существовали другие очаги недовольства, и Александр давно бы знал о них, если бы не имел привычки бросать на своем письменном столе бумаги, даже не распечатывая. Но он был осведомлен об этом в ходе своего последнего путешествия в Польшу (15 мая – 13 июня 1825), или сразу по возвращении. Тогда-то он получил первое известие о заговоре, который в течение ряда лет, – вещь невероятная в стране, где полиция так активна, – сложился против него и существующего в России порядка, заговора, предполагавшего цареубийство... Итак, дни монарха были сочтены, кинжал был занесен над ним; роли были распределены, момент для удара назначен. Он это знал, и это было для него предметом крайней подавленности. Ибо, как мы уже сказали, тирания не была его орудием. Добрый человек, чтобы победить злых, не может использовать против них их собственное орудие. Скорее чем прибегать к насилию или влачить в страхе и под защитой штыков жалкую жизнь, он отрекается от роли жертвы. Эти подробности объясняют в значительной степени печаль, которой предавался Александр в последние годы своего царствования, печаль, отпечаток которой ясно читался на его благородном лице»²⁶.

«...Погода стояла прекрасная, и он решил по настоянию графа Воронцова, губернатора Новороссии, совершить путешествие в Крым. Оно должно было длиться 17 дней. Мы будем сопровождать монарха в этом путешествии, рискуя злоупотребить терпением читателя. Но не будем забывать, что речь идет о стране малоизученной, а Крым является одним из самых живописных, любопытных ее уголков.

Отправившись из Таганрога 1 ноября, путники проехали через колонии меннонитов и немцев, расположенные вдоль реки Молочной, вдоль Гнилого моря с его вредными испарениями, и 5 ноября прибыли на закате солнца в Симферополь. Эту обширную деревню, перемежаемую садами, русские превратили в правительственный центр области, которой было дано классическое наименование Таврида. Здесь насчитывается 2275 домов и более 11 000 жителей, из которых только сотня – русские. Татары здесь составляют большинство (7 904), но немало также цыган, евреев-караимов и греков. Губернатор г-н Нарышкин был информирован только за 8 дней о приезде, получив приказ держать наготове на указанных станциях царского маршрута лошадей, необходимых для 9 повозок почты и одной

²⁶ Schnitzler J.H. Histoire... 1847. – P. 94–95.

брички. К большому сожалению населения Симферополя, Александр провел там только одну ночь: на другой день он направился к прекрасному южному побережью, укрытому от северных ветров и открытому солнечным лучам, подобно небесам Италии и Греции. Из Симферополя прямой путь туда лежит через горы, по едва проложенным дорогам. Господствующей высотой среди этих гор, как говорят, является Чатыр-даг, высотой около 1650 м, откуда путешественник видит всю пленительную панораму почти всего полуострова. Чтобы добраться до Гурзуфа, земли графа Воронцова, император проделал 35 верст верхом, тогда как повозки и багаж получили приказ следовать до деревни Байдар, откуда они должны прибыть через несколько дней. Этот утомительный, со всевозможными трудностями переход, пища, предлагаемая на местах августейшему путешественнику, превосходные фрукты, производимые здесь в изобилии и поедаемые им с удовольствием – все это в сочетании стало причиной расстройства желудка, что стало началом более серьезного заболевания. На другой день, продолжая путь на юг, мы прибыли в Алупку на морском побережье. Это татарская деревня, расположенная у подножия Ай-Петри, возможно, древнего Кривометопона, который возвышается на 1300 м. Но славу Алупки, еще более чем ее местоположение, составляет пышный замок гр. Воронцова, построенный в готическом стиле и уже стоявший миллионы, хотя он еще не окончен. Герцог Рагузский сравнивает это великолепное здание с лучшими замками Англии; но другие путешественники придерживаются иного мнения и в особенности критикуют выбор места. Как бы там ни было, Александр, любопытствуя видеть это чудо стран киммерийских и таврических, принял приглашение его владельца, человека изысканных манер и приятного общества. Отсюда хорошая дорога идет вдоль моря в северо-восточном направлении до Алушты; проезжая по ней, восхищаешься этими прекрасными местами, напоминающими карниз Генуи, пожалуй, единственным местом в Российской империи, где климат мягкий и небо всегда ясно. Высокие горы полуострова защищают его от ледяных ветров Севера; и пересеченная местность в соединении со скалистыми ущельями придают ему много разнообразия, дополняемого величественной монотонностью моря, омывающего подножия скал. От Алупки до Ялты прекрасные места сменяют друг друга, и удачно расположенные деревни населены праздными татарами, неразлучными с их длинной трубкой. Вначале Мисхор, собственность г-на Нарышкина, затем Кореиз, владение, основанное кн. Голицыной; далее Ливадия, принадлежащая графу Поттоцкому, и, ближе к морю – Орианда, обширное урочище, замечательное своим местоположением, но где искусство пока немного сделало, чтобы соответствовать природе. Император, который только что приобрел это место, в порядке обмена, у графа Кушелева-Безбородко, пожелал посетить его; затем, совсем близко от Ялты, небольшого порта, известного древним, перед которым лежит долина необычайной красоты, он направился туда и продолжил свои исследования вплоть до Никиты, где, неподалеку от греческого монастыря расположен императорский сад, известный как Ботанический сад и питомник. Здесь культивируют виноград 400 различных сортов. Отсюда император вернулся в Алупкинский замок той же дорогой. Желая нанести визит княгине Голицыной, он отправился один в ее небольшую колонию, где в то время свирепствовала злокачественная лихорадка, эндемичная на полуострове. Он много ходил пешком, охотно ел сочные фрукты, которыми его угощали, и провел ночь у местного татарина, восхищенного возможностью оказать восточное гостеприимство великому владыке Севера. Александр хотел видеть всех вблизи – христиан, мусульман, евреев. Все это путешествие восхитило его своей новизной, – впечатление, которое наши западные читатели, возможно, у разделят с ним. Он совершил и другие пешие прогулки в окрестностях земли графа Воронцова. Затем он продолжил свой путь. Но дорога, такая прекрасная от Никиты до Алупки, здесь и закончилась. Государь должен был преодолеть высокую гору, чтобы попасть во владения Мордвинова (имя, напом-

нившее ему дорогие, но горькие воспоминания), и проделал 40 верст или километров верхом на лошади, которая не вполне его удовлетворяла.

«Желая нанести визит княгине Голицыной, он отправился один в ее маленькую колонию, где наблюдалась в то время лихорадка опасная на полуострове. Он много ходил пешком, охотно ел сочные фрукты, которыми его угощали, и провел ночь у местного жителя татарина...». Это описание вполне совпадает с камер-фурьерским.

Приведем еще одно описание путешествия Александра в Крым, дополненное неизвестными подробностями: оно принадлежит Полю Лакруа, писателю и библиофилу, брату Жюля Лакруа, поэта и литератора, последнего мужа знаменитой Каролины Собаньской. Оно было опубликовано в виде приложения в его книге, посвященной Юлиане Крюденер²⁷. Источником послужили рассказы самой Каролины, а также письма к ней княгини Голицыной, которые она увезла в Париж и где они хранятся по сей день.

«Смерть мадам Крюденер произошла за год до смерти императора Александра; он не забыл ее и, возможно, раскаивался в том, что поступил несправедливо и жестоко по отношению к такому верному и преданному другу. В сентябре 1825 года император, уже больной, повинуясь неодолимому предчувствию, совершил роковое путешествие в Таганрог, ставшее таинственным эпилогом его славного царствования. Мы заимствуем из нашей Истории Николая I нижеследующие подробности, которые не опубликованы.

Император запланировал поездку в Крым, никому не говоря об этом. Он хотел помолиться на могиле м-м Крюденер, которая скончалась в Карасубазаре в ноябре 1824 г. Он хотел также расспросить княгиню Анну Голицыну, жившую в Кореизе, которая присутствовала при кончине пророчицы и слышала ее последние слова.

Итак, он выехал из Таганрога 1 ноября в сопровождении многочисленной свиты, которую оставил по дороге, и направился верхом к великолепному замку, который строили для графа Воронцова на берегу моря близ деревни Алушка. Там он заявил, что поедет один к княгине Голицыной, которая основала сельскохозяйственную колонию в горах и жила там в окружении немецких и швейцарских колонистов. Это вызвало удивление окружающих, ему возражали, предупреждали об опасной лихорадке во владениях княгини. Он не слушал и взял с собою лишь слугу-проводника, чтобы тот указывал дорогу. Княгиня Анна Голицына, которую он предупредил о своем визите, приняла его в Кореизе, в уединенном жилище, где проживала уже второй год, намереваясь провести остаток жизни, следуя мистической религии, очень похожей на квиетизм мадам Гюйон. Они провели вместе несколько часов: княгиня долго говорила ему о мадам Крюденер, сообщила ему последние слова ясновидящей и передала ему запечатанные бумаги, адресованные императору. Мадам Крюденер умерла в Карасубазаре и там же была похоронена. Александр дал обещание помолиться на этой могиле: он отправился туда, несмотря на то что дорога была дальней.

Вечером он прибыл инкогнито в этот маленький татарский городок в сопровождении местного проводника, данного княгиней Голицыной. Он велел открыть церковь и указать место, где покоилась его давняя подруга; он провел целый час в молитве в этой холодной и сырой церкви. По выходе оттуда он почувствовал первый приступ лихорадки, возможно, вызванный эмоцией; тем не менее, он отправился в путь, во власти нервного возбуждения, и проделал часть пути верхом ночью, при лунном свете. Но снедаемый усталостью и тревогой, должен был остановиться в хижине горного татарина, где его пищей были фрукты, рис и ржаной хлеб.

²⁷ Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inédits. – P., 1880.

Будучи слишком взволнован, он не мог заснуть; встал рано и поспешил вернуться в Кореиз, к княгине Голицыной. Он продолжил разговор с ней, основным предметом которого, как нетрудно догадаться, была мадам Крюденер.

Лихорадка не оставляла его; по возвращении в Таганрог 17 ноября он был вынужден лечь в постель и через 13 дней скончался 1 декабря, шепча имя мадам Крюденер»²⁸.

Утро в Кореизе вернуло ему хорошее настроение. Александр совершил и другие прогулки пешком вдоль земель графа Воронцова. К их описанию можно добавить очаровательную сценку, приведенную в воспоминаниях Каролины Эшлиман.

«Семья моей бабушки (Елены Маурер. – Прим. авт.) жила еще в Кореизе, когда император Александр Первый вторично посетил Южный берег Крыма. Это было в 1825 году, осенью. Государь остановился в Нижней Ореанде, которая незадолго перед тем была куплена им у графа Кушелева-Безбородко... В Ореанду навстречу ему собирались жители окрестных селений, в том числе и икорейская колония». Одна из моих теток, Генриэтта Яковлевна Маурер, в то время бывшая в возрасте молодой девушки, отличалась очень привлекательной наружностью. Император обратил на нее внимание, он подошел к ней и поцеловал ей руку. Когда император поднимал голову, локоны волос моей тетки упали на его густые эпюлеты и запутались в них. Это происшествие очень сконфузило ее»²⁹.

В воспоминаниях потомков Анны Сергеевны, внучки и правнучки ее сестры Софьи Мещерской, живших в Кореизе, приводится семейное предание, не очень точное, но отражающее дружеский дух отношений Александра I и сестер Всеволожских.

«Эта княгиня Голицына, мистический друг Александра I, была очень дружна со знаменитой баронессой Крюденер. Один из первых домов, построенных на южном берегу Крыма, был выстроен ею. Она жила в этом доме во время его постройки, и Александр I, бывший в то время в Крыму, и любивший подразнить своего друга, часто влезал в ее гостиную через окно, говоря, что не успокоится, пока вместо этого окна она не пробьет дверь. Дверь со временем она пробила, но выходила она уже не прямо в сад, а на большой балкон (вероятно, террасу)»³⁰.

В этом доме кн. Голицына жила, окруженная компаньонками, воспитанницами, а также многочисленным обществом. Тут были дочь Крюденер с мужем, бар. Беркгеймом; приезжали племянники, дети сестры кн. Мещерской, Каролина Собаньская, Казначеевы, Н.Н. Раевский-мл., сам Воронцов. Впечатление от их прибытия передает К. Эшлиман: «Немногие, однако, увлекались красотами Тавриды до того, чтобы поселиться в ней; большею частью приезжали, любовались и уезжали!.. В то время приехала в Крым замечательная компания, исключительно дамская; по крайней мере, дамы были в ней главными лицами, а мужчины играли весьма второстепенные роли»³¹.

М.С. Воронцов в неопубликованном письме дал высокую оценку деятельности кн. Голицыной для Крыма, «этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла

²⁸ Ibid. P. 231–233.

²⁹ Воспоминания К.К. Эшлиман // Русский Архив. – М., 1913. № 1. – С. 334.

³⁰ Фрейлина Вера Клейнмихель и графиня Екатерина Клейнмихель. В тени царской короны. – Симферополь, 2009; 2013. – С. 10.

³¹ Из воспоминаний баронессы М.А. Боде // Русский Архив. – М., 1882. Кн. 2, № 3–4. – С. 123.

бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега»³². Эти слова подчеркивают ее особую роль в освоении Южнобережья и нуждаются в комментарии.

³² Письмо М.С. Воронцова А.С. Голицыной от 27 июня 1834 г., копия // РЕАДА. Ф. 1261. О. 3. е/х 1335. Л. 1.

Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции

Красноречие графа не пропало даром. «Опальная» княгиня во главе колонии поселенцев из небольшого круга единомышленников и сотни крепостных людей поселилась в Кореизе, по соседству с Алупкой – крымской резиденцией М.С. Воронцова и опекаемым им Мисхором. Едва ли будет преувеличением увидеть в сложившейся ситуации картину своеобразного «разделения труда» или «двоевластия»: Граф, отвечающий за край в целом, живет в Одессе, много путешествует, в том числе за границу, бывая в Крыму и в Алупке наездами; княгиня живет в Кореизе безвыездно, посвящая все свое время и силы руководству работами, подбору земель для желающих поселиться на побережье, наблюдая за строительством в Алупке, Гаспре, Кореизе.

Что представляло собой имение Кореиз, первое крупное поместье Южного берега Крыма 1820-х гг., ярко отразившее типичные характерные черты начальной фазы усадебного строительства? Территория для будущего имения была выбрана по совету Воронцова, в пяти верстах от Алупки и в трех – от Мисхора, в ближайшем соседстве от Воронцовых и Нарышкиных. А вот дом у Кореизской скалы, позже – «Мачтовой», напротив главных шпилей горы Ай-Петри – это ее личный выбор, который сомнению не подлежал. Поселившись в татарской хижине, княгиня отсюда не выезжала³³, и с 1825 г. руководила постройкой собственного дома, завершенного строительством в 1829 г.

О трудностях, которые приходилось преодолевать колонистам – первопроходцам (отсутствие дорог, стройматериалов, мастеров), писали многие.

Мысль о Крыме как о рае земном, вероятно, поначалу привлекла княгиню к местечку, носившему со времен генуэзцев название Парадиз, то есть рай. Второе название местечка – Новый Свет – напоминает о том, что колония вдохновлялась опытом переселенцев в Америку, которую называли Новым Светом. Во всяком случае, именно под этим названием имение перешло во владение князю Херхеулидзе, купившему его у княгини А.С. Голицыной.

«Выбор места ею был очень удачен и скор», – отмечает Бертье-Делагард в работе, посвященной Кореизу и его владелице кн. Голицыной. В этом явно сыграли роль и советы Воронцова, и соседство избранной им в качестве собственной резиденции Алупки.

Кореиз – одно из древнейших селений Южного берега, название которого в старых хрониках приводилось в разной огласовке – Курасаиты, Хуризу, Хураис, пока не утвердился в начале прошлого столетия современный топоним Кореиз. Известный историк и краевед А.Л. Бертье-Делагард, ссылаясь на «Житие Иоанна Готского», где упоминается Кореиз, отмечал, что селение это существовало уже в VIII в., задолго до генуэзцев. К этому времени относятся обнаруженные тут захоронения готов, предметы их быта и развалины древней христианской церкви, находившейся на выступе обрывистой скалы. Бертье-Делагард связывал с ней предание о монахе-аскете, на чью могилу приходил молиться св. Иоанн Готский. Когда здесь поселилась в 1824 г. княгиня Голицына и надумала строиться, продолжает исследователь, то закладку ее церкви в 1829 г. освящал арх. Гавриил, о чем оставил такую любопытную заметку:

«Кураиская Воскресенск., кам. 831.

Совершенно новая церковь, построенная княгиней Голицыной, которая тут и покоится вечно. В старину была тут греческая церковь, как видно из надписи на вырытом при

³³ За исключением кратковременной поездки осенью 1837 г. в Вену для лечения м-м Беркгейм.

заложении новой церкви камне, который положен и паки под основание новой церкви. Свидетельствует имеющий честь предать сие сведение читателям»³⁴.

Ко времени прибытия Голицыной со спутниками здесь была небольшая татарская деревушка примерно на 35 дворов. Энергию княгини вполне можно оценить, читая строки Бертье-Делагарда о состоянии дорог, а точнее об их отсутствии на Южном берегу.

«Тогда Южный берег был почти недоступен; с большим трудом и даже опасностью по нему пробирались по тропам с помощью верховых и вьючных лошадей. Напр., когда покровительствуемая самим императором Александром I, весьма ему близкая Мария Ант. Нарышкина, с их дочерью Софьей, в распоряжении которых были все власти, начиная с генер. губерн. Герц. Ришелье, прибыли в Одессу на морские купанья, и оттуда им вздумалось посетить Тавриду, то она едва получила разрешение государя посетить Южный берег, ввиду особой трудности этого пути. Для этой поездки пришлось выставить сто тридцать лошадей; все власти исправляли пути, помогали поездке, а Ришелье сам поехал прежде повсюду. В таких сложных условиях выбор места ее был очень удачен и скор», в 1825 году она уже остановилась на Кореизе и постройку дома начала уже к осени; Свиньин, ездивший тогда по Тавриде, писал в августе 1825 года, что кн. Голицына и строила огромный дом в самом диком месте скалы, висящей над пропастью». Именно от этой скалы, висящей над ее домом, она стала сама себя звать la vieille du Rocher (старуха в скалах), что повторяли и печатали многочисленные путешественники, привлекаемые знатностью и влиянием княгини.

При указанных условиях трудно было тогда жить в Тавриде, а если прибавить отсутствие каких-либо мастеровых и даже простых рабочих, то и строиться там было крайне трудно и долго. Генерал-губернатор края Ришелье строил себе очень простой и немудрящий дом в Гурзуфе целых три года, и все же не окончил его, Андр. Мих. Бороздин, бывший губернатору строился в Кучук-Ламбате еще дольше; эти дома были очень не велики; в Гурзуфе дому сильно переделанный, еще существует.

Церковь в Ялте строилась с 1832 года по 1837, пять лет. Дача А.Н. Голицына в Гаспре, ныне гр. Паниной, распоряжением той же А.С. Голицыной, строилась более пяти лет.

Начав строить свой дом в Кореизе, кн. Голицына смогла поселиться в нем спустя два-три года. Но осенью 1829 г. она уже жила там, по свидетельству Бесса, венгерского путешественника»³⁵.

Сведения о кореизском поместье весьма кратки, но зато наиболее зримое представление о постройках усадьбы дают рисунки Никанора Чернецова 1836 г., изображающие общий вид особняка, сопутствующих построек, расположившихся на склоне, виноградные плантации, сады, первые посадки кипарисов. К этому следует добавить панорамные литографии Дюбуа де Монпере (1832–1834) и Ф. Гросса (1840).

Усадьба Кореиз создавалась А.С. Голицыной с 1824 по 1838 г. При ней заложены: оливковый, виноградный, фруктовый и декоративный сады, отдельные растения, которые вошли в ландшафтообразующую структуру следующих этапов жизнедеятельности усадьбы, ставшей в последние десятилетия XIX в. владением Юсуповых. Размер усадьбы на 1834 г. – 41 десятина 590 сажень. В план имения входил прежде всего «дом в скалах», переживший несколько владельцев, церковь, в которой похоронена А.С. Голицына; винный погреб в форме латинского креста с двумя башнями. Ниже к западу располагался участок с двумя

³⁴ Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – Симферополь, 1920. – № 57. – С. 15.

³⁵ Бертье-Делагард А.Л. Прошлое Кореиза // ИТУАК. – Симферополь, 1919. – № 56. – С. 174–175.

флигелями и домом – все вместе это называлось «Розовым домом», о котором, как о даче сестры, Софьи Сергеевны Мещерской, урожд. Всеволожской, писал их брат Н.С. Всеволожский – «дача как бы нарочно выстроенная для украшения сада Голицыной и как бы входящая в ее план». Наконец, это флигель, в котором, согласно историческим документам, в 1836–1837 гг. жили Каролина Собаньская, затем семья Гончаровых и, наконец, Екатерина Федоровна Тизенгаузен. Все они принадлежат к окружению А.С. Пушкина. Сюда пришли первые известия о гибели поэта, которые сообщила баронесса Беркгейм в двух письмах Н.Н. Раевскому-мл. Этот период имеет особое историко-культурное значение³⁶.

Глубокая внутренняя религиозность, полумонашеский образ жизни сказались на том, что главный смысловой акцент в поместье был перенесен с усадебного дома на церковь, построенную несколько выше у Почтового тракта. Церковь и подъездная площадь перед ней служили «фасадной стороной» усадьбы, тем более что дом, построенный на крутом склоне, со стороны дороги был одноэтажным, а на юг, к морю был обращен собственно фасадом – двухэтажным, украшенным галереями с цветными стеклами. В архитектуре усадебного дома «Кореизского дворца» княгини явно прослеживается влияние местной – греческой и тюрко-татарской – строительной традиции, включавшей установки здания на горном склоне, его декор, применение открытых террас со стрельчатыми арками, наружные лестницы. Сама эклектичность особняка, впервые соединившего полуевропейские-полуазиатские элементы, задавала тон постройкам и виллам соседей, создавшим неповторимый экзотически-романтический облик Южного берега, позднее, увы, во многом утраченный.

Следующие постройки велись под руководством профессионального архитектора: швейцарец Карл Эшлиман (1808–1893), прибыл в имение в конце 1828 г., уже по окончании строительства особняка, в качестве сопровождающего лица графа Ошандо-де-ла-Банда и был представлен княгиней Воронцову. К. Эшлиман впоследствии стал главным архитектором г. Ялты, а также выполнил ряд частных заказов в усадебном строительстве.

Начало его деятельности связано с имением «Кореиз». Это прежде всего церковь «Во имя Вознесения Господня» (1830–1831) и монументальное здание винного погреба, или винподвала (нач. 1830-х гг.), выполненные в псевдогоthicеском и псевдороманском стилях, по мотивам художественных форм Средневековья. В начале 1900-х гг. ранняя церковь К. Эшлимана была перестроена архитектором Н.П. Красновым при реконструкции всего имения для новых владельцев, князей Юсуповых. В настоящее время на этом месте – клумба с тремя пальмами, под ней скрыт фундамент средневековой церкви, восходящей к VIII в. и упомянутой в «Житии Св. Иоанна Готскаго».

О церкви К. Эшлимана дает представление иллюстративный материал – литографии и рисунки Н. Чернецова, Дюбуа де Монпере, Ф. Гросса, А. Бигатти, где церковь изображена на переднем либо дальнем плане. Одноневное сооружение перекрыто двускатной черепичной кровлей, апсида не была выделена, а предалтарную часть венчала небольшая башенка. Главное внимание уделено западному фасаду: портал входа имел завершение в виде многоступенчатого треугольника с высоко вознесенным крестом и фланкировался двумя гранеными башнями с шатровыми кровлями, также увенчанными крестами. Другая постройка Эшлимана – винный погреб (или винподвал), построенный на нижней площадке имения Голицыной, Дюбуа удачно сравнил с «замком феодального сеньора». Северо-западный фасад, обращенный к центру поместья, и в определенной мере формировавший архитектурный облик имения Голицыной, выполнен в монументальных формах псевдороманской архитектуры и дает прямую ассоциацию со Средневековьем. Удлиненный прямоугольный объем встречает

³⁶ Галиченко А.А. «КОРЕИЗ». Комментарии к архивным материалам //Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком: Сб. науч. статей и докладов. Н.Оріанда. – Симферополь, 2012.

посетителя парадным входом с двумя фланкирующими башнями с зубчатым завершением, похожим на завершения башен Гаспринского дворца.

Эти два здания, вторящие друг другу на дальнем расстоянии, показаны на многих литографиях 1830-х г.

Поблизости был устроен «замок» баронессы Беркгейм, дочери Юлианы Крюденер и сподвижницы кн. Голицыной, двухэтажное здание с башней.

Таким образом, первые постройки усадьбы продолжали развивать идеи романтизма, акцентируя идеи встречи Востока и Запада на земле Тавриды, что наиболее ярко воплотилось в Воронцовском дворцово-парковом комплексе в Алушке. Но и прочие постройки, к сожалению не сохранившиеся до наших дней, создали весьма колоритный образ Южного берега, который можно представить из описания Демидова, совершившего путешествие в 1837 г., Н.С. Всеволожского и др.

Восхваление Южнобережья и привлечение новых владельцев

Выше мы видели, как Голицына сразу по прибытии принялась за дело – распашку земли для виноградника, посадку маслин, разбивку парка и т. д., но не менее важным делом стало устройство усадеб ее спутников и привлечение новых владельцев. Она понимает свою роль, и, слегка иронизируя над собой, сообщает М.С. Воронцову о заботах по благоустройству своих ближайших спутниц.

«Поговорим о побережье вокруг Алупки, дорогой граф, вы будете довольны и поражены удивительными делами, которые здесь происходят. Мадам Беркгейм купила сад и дом Ашера в счет долга, который она дала его жене. За деньги, полученные от этой продажи, он собирается расширить свои владения в сторону земель Дибича.

За м-м Беркгейм последовала маркиза Ошандо, которая обустроилась близ нас. Это женщина любезная, полная остроумия и знаний, красивая, и хотя ее владение невелико, сама она – хорошее приобретение для побережья.

Спасибо за оливки, чтобы достойно встретить такой благородный подарок, я приготовила распаханый участок и посадила драгоценные деревья.

Слава Вам, Благодетель Побережья!»³⁷.

«За м-м Беркгейм последовала м-м Ошандо» – это были сводные сестры, отцом обеих являлся русский дипломат Крюденер. Его дочь от первого брака София (1773–1847), по мужу маркиза Ошандо де ла Банда, стала горячей последовательницей идей своей мачехи м-м Крюденер. Неудивительно, что она последовала за своей сестрой Жюльеттой, по мужу Беркгейм, в Кореиз и кн. Голицына хлопотала об устройстве ее имения. Дамы подружились, сохранилась их переписка (РГАЛИ)³⁸.

Самыми крупными фигурами, привлеченными ею на Южнобережье, стали князь А.Н. Голицын, владелец Гаспры, и чета Потемкиных, обустроивших имение Артек у подножия Аю-Дага. Письма княгини позволяют шаг за шагом проследить создание замка «Александрия» вместе с парком, проходившее в отсутствие князя, всецело под надзором княгини.

«Голицын прислал мне планы своего строения, он хочет, чтобы я начала сразу же. Этот рисунок Монферрана представляет собой усадебный дом на четыре фасада, украшенных со всей роскошью архитектуры. Для исполнения его в С.Петербурге понадобилось бы 150 тыс. руб. А здесь, по нашим расчетам, и 300 тыс. руб. будет мало. Я не знаю, о чем он думает, и достаточно ли у него денег, но если он пожелает мне их прислать, то я согласна мучиться»³⁹.

История появления Татьяны Потемкиной, одной из близких подруг княгини, а впоследствии владелицы имения Артек, складывалась непросто.

«Один богатый собственник (Потемкин), – пишет Анна Сергеевна Воронцову, – обеспокоенный хозяйственными расчетами, решил, что жизнь в С-Петербурге слишком доро-

³⁷ РЕАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Лист 15 (14–17) – 4 мая 1827.

³⁸ РЕАЛИ. Ф. 46, Щ. 2, е/х 259. Собрание исторических документов, копии писем. Из писем м-м Софии Ошандо ее сестре баронессе Беркгейм (на франц. Яз.). Л. 115.

³⁹ РЕАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 37–38, 18 июля 1829.

гая, да и здоровье жены требует более теплого климата. Он обратился ко мне, желая узнать, можно ли найти большое владение...»⁴⁰.

Поначалу их выбор остановился на Кучук-Ламбате. Это было одно из самых ранних благоустроенных имений Южного берега:

«Слабое здоровье Татьяны и тысяча и одна мелких забот, которых оно требует, делает это место предпочтительным: ведь отсюда легко послать человека верхом на лошади за мелкими вещами... В конечном счете, если нас постигнет неудача и сделка сорвется, мы не дадим Потемкину ускользнуть отсюда, мы вложим весь наш ум, гений, энергию и найдем ему что-нибудь другое, пусть только придет»⁴¹.

Тем временем ситуация с покупкой имения для Потемкиных изменилась, и надо оценить дальновидность подруг Голицыной и Беркгейм, которые, на случай если сделка сорвется, готовы были предложить им что-нибудь другое. Такой случай представился. Польский граф Густав Олизар, владелец прекрасного имения «Артек» у подножия Аю-Дага (200 десятин, или 218 га), выставил его на продажу. Как подозреваемый в поддержке польского восстания 1830 г., он получил разрешение выехать в Италию. Узнав об этом, княгиня немедленно сообщает об этом Потемкиным. В марте 1832 г. Александр Михайлович Потемкин покупает значительную часть имения Артек. Между владелицами Кореиза и Артека поддерживались самые дружеские отношения и постоянная переписка. Татьяна Борисовна отличалась хрупким здоровьем, и княгиня вместе с баронессой нередко посещали ее, особенно в дни, когда ухудшение ее состояния внушало тревогу. Об этом особенно просила Елизавета Ксаверьевна Воронцова, называвшая Татьяну «кузиной» (мать графини Воронцовой приходилась светлейшему князю Г.А. Потемкину родной племянницей).

Помимо бездорожья и отсутствия удобств крымский климат пользовался дурной репутацией. Легенды об «ужасном» климате Южного берега, в которые нам трудно сегодня поверить, широко распространялись в обеих столицах. Княгиня развернула «рекламную кампанию» в письмах родным и знакомым, следы которой можно обнаружить в письмах Воронцову.

«Я была в очень дурном расположении духа в эти дни, дорогой граф. Татьяна написала мне в письме, что в самый момент, когда она складывала вещи, чтобы ехать сюда, ее взволновали восклицания куратора Перовского, который сказал, что климат на побережье отвратительный, что там свирепствует лихорадка и бывают ветры такой силы, что валят деревья; что все владельцы, обманутые в своих ожиданиях, не имея средств обеспечить себя всем необходимым для жизни, спешат продать все, что купили, чтобы уехать»⁴².

Вскоре сама Татьяна Потемкина и родной племянник Анны Сергеевны князь С.И. Мещерский, обосновавшийся рядом с Гаспррой, в свою очередь, стали ее «агентами» по рекламированию Южного берега (См. подробнее гл. VI, с. 205–206).

Но слов мало, княгиня озабочена также и поиском рисовальщиков с тем, чтобы заказывать рисунки, гравюры, которые показали бы всем красоты Южного берега.

И в дальнейшем не упускает случая, чтобы слава о побережье распространялась по свету.

⁴⁰ Там же. Л. 40 Дек. 1829 – янв. 1830.

⁴¹ Там же, Л. 45, 29 июня 1830.

⁴² РГАДА. Ф. 1261, е/х 1335. Л. 43–44. 31.01.1830.

«...Я предложила Эльсону тщательно зарисовать все строения Побережья, большие и малые, сделать из них красивый альбом (resueil), который вы, дорогой граф, закажете литографировать, и его можно будет продавать в пользу Эльсона. Пусть увидят с удивлением, что усердие под попечительным правлением, таким как ваше, смогло совершить за пять лет: это почти чудо»⁴³.

Тем временем Гаспринский замок, воздвигаемый талантами Эльсона и заботами кн. Голицыной, превратился в достопримечательность Южного берега. Его посещали путешественники, рисовали художники. Заботами М.С. Воронцова князю А.Н. Голицыну отправлены два вида Гаспры. *«Виды эти прелестны, – пишет будущий владелец Александрии, – и все, кому я их показывал, пришли от них в восторг, и уверяли, что это снято в Италии»⁴⁴. Другой раз он упоминает привезенные ему рисунки кн. Мещерского (племянника кн. Голицыной, соседа по имению в Гаспре): «они прелестны и прекрасно сделаны. Я уверен, что в действительности природа прелестнее ее изображения, но это мне дает о ней понятие, которое дополняется моим воображением»...*

«Присланные вами чрез князя Мещерского три вида моего замка будут вставлены в рамки и с них будут сделаны литографии»⁴⁵.

В целом из писем А.С. Голицыной к М.С. Воронцову и ее сподвижницы Жюльетты Беркгейм к Раевскому мы знакомимся с кругом общения княгини. В них воскресает образ Южного берега самой начальной стадии его обустройства, и появляется целый ряд действующих лиц, известных и полузабытых. Главным образом это дамы высшего петербургского круга, связанные между собой узами близкого и дальнего родства, образованные и религиозные. Среди них упоминаются более скромные имена архитекторов, художников, садоводов: это швейцарцы архитектор Эшлиман, художник Яков Маурер, его сестра Елена, управляющий имением Ореанда Ашер, подрядчик и строитель многих сооружений побережья. Особенно часто упоминается устроитель алушкинского парка Карл Кебах, назначенный Воронцовым главным садовником Южного берега и вложивший свое искусство в устройство парков в Ореанде, Артеке, Гаспре и в Кореизе. Вместе с ним поставлял туда растения «редкие или невиданные» сам директор Императорского ботанического сада Николай Андреевич Гартвис. Владелицам этих поместий Гартвис галантно посвящал выведенные им новые сорта роз. В Каталоге Ботанического сада фигурируют розы «Графиня Елизавета Воронцова», *Camea Plena*, «Баронесса Юлия Беркхейм» и особенно выделены приметы «насыщенно красной, полной, в два раза большей, чем ее родительница Тревиллия», гибридной розы «Княгиня Анна Голицына» (две последние считаются ныне утраченными)⁴⁶.

⁴³ РГАДА. Ф. 1261, е/х 1335. Л. 44.

⁴⁴ Князь А.Н. Голицын (в его письмах) 1829–1837 // Русский Архив. – 1905. Кн. 3. – № 9–12 (далее ссылки на страницы этого издания см. в тексте). – С. 410.

⁴⁵ Там же. С. 414–415.

⁴⁶ Арбатская Ю., Вихляев К. Повесть о жизни и приключениях доблестного рыцаря Николая Ангорн фон Гартвиса в Крыму и о его прекрасных розах. – Симферополь, 2011. – С. 70–71.

Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах кн. Голицыной М.С. Воронцову

Как протекали первые дни поселенцев, прибывших из Санкт-Петербурга в горное селение из трех десятков домов? Только сейчас мы можем рассказать об этом, опираясь на письма самой кн. Голицыной к Воронцову, ранее не публиковавшиеся и охватывающие период с 1825 по 1837 г. Первые письма – это эйфория: *«Земля обетованная», «Ничего не хочу знать кроме виноградника и оливок, оставляю письма из Петербурга нераспечатанными. Тысячу раз на день благословляю милосердие Божие, которое привело меня на этот счастливый берег»*. И по прошествии лет десяти она снова напишет: *«Я не помню, что видела что-либо лучшее, чем наши прекрасный Кореиз, которым мы владеем»*.

Письма позволяют судить о характере княгини, о ее крутом нраве, властности; вместе с тем в них присутствует много юмора, иронии, особенно по отношению к самой себе. Но мы практически не найдем в них и следа «религиозного фанатизма, мистицизма, миссионерства и т. п.», из чего сложился «миф княгини Голицыной», якобы чуть ли не насильственно обращавшей татар в христианство. В мемуарах и записках того времени встречаются упоминания о том, что княгиня Голицына в сопровождении спутников совершала миссионерские поездки по татарским селениям, пытаясь обращать мусульман-татар в христианскую веру. Никаких упоминаний о чем-либо подобном в письмах не встречается. Похоже, что такая легенда сложилась еще в Петербурге и впоследствии повторялась, обрастая «подробностями» как снежный ком. В самом деле, трудно было объяснить «добровольно-принудительный» отъезд лиц из близкого окружения самого государя, причем не куда-нибудь в свои поместья, а в такую далекую неизведанную страну – Крым, вдобавок населенную татарами-мусульманами! Зная их религиозные пристрастия, нетрудно было предположить, что они «уехали проповедовать Евангелие татарам». Именно так выразила общее мнение героиня (она же автор) «Рассказов бабушки».

Силу характера княгиня проявляла неоднократно, и еще более она ей понадобилась при решении отправиться в Крым во главе «пиэтической колонии», причем преодолевая колебания «идейного вождя» – самой Крюденер.

«Внутренняя религиозность», «христианская философия», по выражению брата А.С. Голицыной Н. Всеволожского, были предназначены для круга близких людей. В отношении к ним мы увидим много нежности, готовности прийти на помощь, немного замаскированной добродушной насмешливостью и самоиронией. Княгиня в юности путешествовала, вела обширную переписку, была широко и разносторонне образованной женщиной. В ее доме в Кореизе была собрана большая библиотека, регулярно приходили газеты и журналы, и всем этим могли пользоваться ее соседи.

В отсутствие Воронцова княгиня посещала имение М.С. Воронцова Алупку и рассказывала о том, как обстоят дела.

«Имею честь сообщить вам, что 42 храбрых матроса отправлены на ваш виноградник и работа там идет отлично. 22 честных бродяги (по-русски) заняты в Алушке копанием ямок для посадки маслин». Далее княгиня переговорила со Стевенем и Гартвигом, узнала, сколько саженцев имеется в питомнике (4000) и...выпросила себе половину вместо 1000! *«Дорогой графу будьте справедливы, щедры и великодушны. Довольствуйтесь двумя тысячами саженцев, самыми лучшими из имеющихся, и уступите мне остальное»*. Княгиня добилась своего, и в следующем письме благодарит графа: *«Спасибо за оливы, я приготовила распаханый участок, чтобы достойно встретить такой благородный подарок, посадила драгоценные деревья. Слава вам, Благодетель Побережья!»*

Отношения с Воронцовым – самые дружеские и добрососедские, письма полны доброй иронии: обращение в письме «Привет от старухи в скалах могущественному сеньору Алупки!», подтверждает, что она сама придумала это прозвище⁴⁷.

В той же ироничной манере она отпускает комплименты:

«Поздравляю вас, дорогой и почтенный граф, с великолепным приобретением, которое сделал для вас славный и усердный Ревилиоти (речь идет о верхнем саде. – Прим. авт.). Большие кипарисы, плодовые деревья, оливы и много домов, и все это – почти даром. Кому и служить, как не вам, Ваше Превосходительство, вам, кто служит России, честно выполняя свой долг, как это делают в Англии» (Л. 5).

Княгиня рассказывает об очередном посещении Алупки, куда она отправилась в обществе четы Беркгейм и м-ль Елены Маурер. Они обошли сад в сопровождении Кебаха и дамы, по словам княгини, задались вопросом: можно ли в чем-нибудь упрекнуть работу Кебаха?

«Дорогой граф, я не нашла ничего, заслуживающего критики!

Кебах – единственный в своем роде, и сама Англия завидовала бы дорожкам, которые он проложил... Алупка – уникальна, ни один государь не владеет чем-либо подобным, и Кебах рожден, чтобы быть садовником. Если бы император увидел Алупку, какой она стала сегодня!..» (Л. 8).

Церковь в Кореизе начали строить с 1829 г., это была первая церковь на Южном берегу, после захвата его турками и татарами в 1475 г., и поэтому закладка ее проводилась с большим торжеством, когда ее закладку освящал архиепископ Гавриил, говоривший, что тогда и «путь на южный берег был еще неудобопроходим»; освящена же она была в 1831 г., и то еще не вполне оконченная. Церковь не сохранилась. О ней можно судить по литографии Чернецова, да еще по листу с изображением фасада церкви, в стиле немецкой готической архитектуры, обнаруженному нами в Отделе рукописей РНБ и публикуемому впервые⁴⁸.

В 1834 г. вышел путеводитель Монтандона на французском языке, где описана усадьба княгини на то время и владения соседей. Так, часть земель на мысу Ай-Тодор принадлежала баронессе Беркгейм. Ниже Гаспры, близ моря располагались виноградники кн. Сергея Ивановича Мещерского (племянника кн. Анны Сергеевны); *«эта плантация, начатая лет пять назад, насчитывает 60 тыс. футов виноградников на хорошо разрыхленной почве и обещает хорошие результаты. Выше деревни (Гаспра) привлекает внимание великолепное новое здание с зубчатыми башнями; оно и окружающие его 8 десятин земли, предназначенные только для парка, принадлежит кн. А.Н. Голицыну. В версте от Гаспры, следуя по шоссе, вступаем на земли княгини Анны Сергеевны Голицыной; где взгляд вначале привлечен множеством зданий, среди которых на фоне массивов пышной зелени выделяется церковь изящной архитектуры. Дом, где живет княгиня, расположен немного ниже, на выступе, откуда взглядом можно охватить всю местность и лежащие ниже строения; они состоят из большого винного подвала, который только что был закончен, и многих других построек, из виноградника на 50 000 лоз лучших сортов⁴⁹, из садов, где встречаются прекрасные деревья и очень старые оливки. Воздух, которым дышишь в Кореизе, очень чистый и один из*

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 5. 26 янв. 1826.

⁴⁸ РГИА. Ф.1000. О. 3, д. 256. Чертеж фасада церкви.

⁴⁹ Это виноградник из числа тех, что производят лучшие вина. Княгиня устроила склад в Москве, чтобы ознакомить публику с этими винами и разрушить довольно распространенное дурное мнение о крымских винах. – Прим. Монтандон.

самых здоровых. Княгиня Голицына, живущая здесь постоянно, своей просвещенностью и огромными работами, осуществленными ею на этой прекрасной земле, весьма значительно способствовала усовершенствованию сельского хозяйства и благосостоянию в целом этой прекрасной страны.

В 400 шагах от дома почтового отделения, по дороге влево через семь минут (в коляске) прибываешь ко входу в сад баронессы Беркгейм, где одну десятину занимает виноградник. Немного ниже вход в сады Мисхора. Расстояние от Кореиза до Алупки составляет 5 верст по шоссе»⁵⁰.

Княгиня устроила в Кореизе винный погреб в виде средневекового замка и привлекла лучших специалистов, чтобы наладить производство качественного вина. Следующим шагом была виноторговля в столицах, имевшая не только коммерческие цели, но и стремление улучшить репутацию крымских вин. Однако пробиться на московский рынок оказалось непросто. Княгиня принимала на продажу и вино из подвалов Воронцова, а потому заинтересованность была общей. В письме графу она высказывает свою озабоченность:

«Мне решительно мешают продавать мое вино в Москве. Это дело не должно быть вам безразлично, графу так как если меня разорят, то разрушат всю коммерцию Побережья. Повсюду говорят, что согласно Указу, которого вы добились, мы имеем право продавать вино только в ваших трех губерниях, и хотят записать меня в гильдию. Извольте написать министру, чтобы он дал распоряжения генерал-губернатору. Вот уже шесть месяцев мое вино стоит, не могу продать ни одной бутылки, а их у меня 30 тыс.» (1833 г., л. 53).

За решение проблемы берется кн. Голицын. В письме от 9 мая 1833 г. княгине он пишет о своих хлопотах и о том, что «разрешение на вывеску» он получил от государя. Но занятия виноторговлей встретили и другие препятствия, связанные с сословной принадлежностью. В письме от 7 июня 1833 г. он пишет, как искал ответа на вопрос:

*«...имеете ли вы право продавать ваше вино, не записываясь в гильдию?.. Ответ этот я сообщу, когда получу его: но не понимаю, что удерживает вас, множество дворян записаны в гильдии, чтобы иметь право торговать, и это дозволено Дворянскою грамотою. При Екатерине II граф Орлов-Чесменский был записан в 1-ю гильдию, также Всеволод Андреевич Всеволожский и многие другие. У дворянства свои права, а у купечества свои. Преимущество дворян заключается в том, что, пользуясь правами по рождению, они могут, записываясь в гильдию, пользоваться правами купцов»*⁵¹.

Хлопоты князя Голицына в Петербурге возымели действие, и ободренная княгиня пишет Воронцову в феврале 1834 г.:

«Получив известие, что вина моего погреба хорошо продаются в Москве, я немедленно взялась за перо, дорогой граф, чтобы предложить вам продать 2000 ведер по 10 руб. ведро. Эти 20 тысяч руб. пойдут на известь, и, кроме того, я хотела бы, чтобы вино знали под его настоящим именем» (Л. 60).

У княгини были конкуренты. Ее успехи, вероятно, будили зависть, о чем видно из следующих строк:

⁵⁰ Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым [Текст]: Пер. с фр. / К. Монтандон. – Симферополь: Крымский Архив, 1997. – 130 с. [9]. – С. 155–156.

⁵¹ Голицын А.Н., князь. Письма // Русский Архив. С. 412.

«Сначала о вине: вспомните, дорогой граф, что в прошлом году вы продали мне половину вашего Рислинга и половину белого Бордо по 10 руб. ведро. Я тщетно требовала эти вина в вашей экономии, но не получила их, и в утешение мне предложили денег, не дав вина. Итак, по всей справедливости, великодушный граф, вы должны, не нанося ущерба вашему торговцу (который прибывает из Москвы лишь потому, что увидел мое преуспевание), продать мне, по крайней мере, несколько сотен, хотя бы 300 ведер вашего белого вина. Ответьте поскорее.

Со вчерашнего дня я принимаю сенатора Неер, он в восторге от всех наших работ и рассказал мне, что во время посещения Алупки его угостили вином из вашего виноградника; но, по его мнению, интендант хотел его обмануть и что это было французское вино.

Я ответила ему, что ни один придворный не мог бы сказать ничего более лестного г-ну графу!» (там же).

Спустя более десяти лет после императора Александра I усадьбу Голицыной вновь посещает в 1837 г. царская семья, правда, в отсутствие княгини, которая впервые отлучилась из Крыма так далеко – в Вену, сопровождая свою многолетнюю подругу баронессу Беркгейм, нуждавшуюся в серьезном лечении. Усадьбу и церковь описывает флигель-адъютант С.А. Юрьевич, наставник при цесаревиче Александре Николаевиче.

«...Дом вышеупомянутой княгини Голицыной на холме, называемом Кореис, замечательный тем, что при нем находится очень милой архитектуры, с прекрасной живописью церковь: первая на Южном берегу со времени изгнания отсюда татарами-магометанами православных греков и католиков-генуэзцев... Их величества (Николай I, Его супруга Александра Федоровна, его сестра великая княжна Мария и др.) отслушали в церкви краткий молебен. Хозяйка в отсутствии... Противу церкви построен из местного камня фонтан... Дом не отличается по наружности ничем, но хозяйственных построек много»⁵².

Итак, княгиня Голицына жила здесь вместе с дочерью своей покойной подруги Крюденер – Жюльеттой Беркгейм, которой, согласно завещанию княгини, было предоставлено право пожизненного проживания. Она приобрела статус своего рода старейшины не только среди колонистов, но и местных татар. «Старуха скалы», *La vieille du rocher*, как она сама себя называла, подписывая так свои письма, выглядела необычно: она постоянно носила мужскую шинель и длинный сюртук с капюшоном, а также брюки, в которых удобно было ездить верхом по крымскому бездорожью. За поясом у нее была нагайка или хлыст, необходимая принадлежность для верховой езды, но вокруг него у мемуаристов XIX столетия сложились целые легенды, согласно которым княгиня нередко пускала его в ход, наказывая прислугу, домашних, а то и исправника и т. п. и тем якобы «держала в страхе всю округу». Другой «странностью» было Евангелие, лежавшее на изящном столике в гостиной, и каждому приходившему к ней гостю она предлагала прочесть оттуда главу.

Именно так рисуют ее сохранившиеся воспоминания. Дочь крымского архитектора Карла Эшлимана Каролина рассказывала: «В двадцатых годах прошлого века на Южном берегу Крыма водворились самые видные члены мистического кружка, который во вторую половину царствования Александра Благословенного приобрел такое влияние на впечатлительного государя». Видную роль играла княгиня Анна Сергеевна Голицына. В Кореиз к ней съезжались многочисленные друзья, среди которых было много иностранцев. По рассказам отца, это была очень странная женщина. «В гостиной, где принимала гостей княгиня, на

⁵² Юрьевич С.А. Дорожные письма во время путешествия по России наследника Цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский Архив 1887. Кн. 2. № 6. С 203.

изящном столике неизменно лежало Евангелие. Каждого приходившего к ней она заставляла прочитывать главу из Св. Писания. Но это нисколько не мешало княгине собственноручно жестоко пороть плеткою на конюшне своих провинившихся крепостных, и, когда мой отец, возмущенный ее жестоким обращением с дворовыми людьми, высказал ей свое возмущение и осуждение, княгиня, любезно улыбаясь, на изящном французском языке ответила ему: "Г-н Эшлиман, прошу вас для себя немножко больше снисхождения и немножко больше любезности"»⁵³. Не будем забывать, что Эшлиман был выходцем из Швейцарии, где царили свободолюбивые нравы, слишком республиканские даже для Европы того времени, а что касается России, то в то время до отмены крепостного права оставалось без малого 40 лет. Да и воспоминания Каролины были записаны и опубликованы в начале XX в., когда и в России крепостнические нравы и порожденные им характеры – сильные, властные, но далекие от либеральной мягкости – отошли в глубокое прошлое.

Княгиню, как настоящую русскую барыню, не останавливало и почтение к начальству. Ее владения не были огорожены, и татарский скот порой переступал границу и пасся на спорных участках. Тогда княгиня пристреливала животных и отправляла их в свои погреба. Губернатору Казначееву поступали жалобы на нее от татар, и однажды он отправился в Кореиз с просьбой к его владелице больше этого не делать. «*Анна Сергеевна, в упор смотря на губернатора, молчала. Казначеев повторил свою просьбу. "Ты – дурак", – сказала княгиня и вышла*»⁵⁴.

Впрочем, в «партикулярных письмах» А.И. Казначеева М.С. Воронцову, где Таврический губернатор предельно откровенно делится возникающими проблемами, мы не находим ни следа подобных жалоб. Скорее напротив, он не забывает похвалить соседей за взаимопомощь: «*Княгиня, особенно Мальцов такие делают одолжения вашим Экономиям, что их довольно оценить нельзя*». Ценит он и ее внимание к строительным работам в Алушке, ее вкус и достаточно деликатное вмешательство в предотвращение неудачных проектов. Речь шла о конфликтной ситуации, в связи с постройкой гостиницы («трактира») в Алушке, который был поручен Шатильону – архитектору старательному, но весьма посредственному. Княгиня, пишет Казначеев, сказала мне: «*Сделайте милость, дорогой мой, посоветуйте ему не осуществлять постройку этого ужасного фасада, жильцам он никак не может понравиться*». Было решено поручить Эльсону переделать фасад, но Шатильон нашел способ придаться к архитектору. Возмущенный Казначеев в письме от 3 июня 1832 г. решительно берет сторону княгини и Эльсона:

«Не понимаю, как Шатильон нашел ошибки в Алушском трактире? Конечно, этот трактир не из лучших произведений Эльсона, однако же им прохожие любуются. Левшин жил в нем и не мог довольно нахвалиться. Неужели бы лучше было, когда бы построили трактир по плану Шатильона, который нарисовал ярмарошный балаган в срамном виде и настаивал, чтобы мы его выполнили.

Спасибо Княгине: она первая возопила, и просила меня: и ради Бога, избавь Шатильона от неприятности, а графа от убытка и неудовольствия». Что он человек честный и усердный к вам, в том нет никакого сомнения; но архитектура ему не удастся»⁵⁵.

Труды княгини по освоению более 40 десятин крутого каменистого склона крымского побережья поражают своими масштабами, вот где нашла применение ее неукротимая энер-

⁵³ Эшлиман К.К. Воспоминания // Русский Архив – М., 1913, кн. 1. – С. 330.

⁵⁴ Там же. С. 330. Отметим, что примерно так же в аналогичных случаях поступала и княгиня Дашкова, возглавившая две Академии. С одной стороны, обе дамы соблюдали распространенное в то время неписаное правило, но самая их ученость и известность заставляли авторов воспоминаний это акцентировать.

⁵⁵ Партикулярные письма А.И. Казначеева М.С. Воронцову 1828–1837 // Российский Архив. – М. 2010. – С. 422.

гия и жажда деятельности! Это колонизация, сравнимая с древнегреческой или с новой, американской. Речь шла не о том, чтобы выжить, а о том, чтобы превратить эту землю в подобию рая земного – с прекрасными постройками, парками, садами и виноградниками. В 1836–1837 гг., путешествуя, Кореиз посетил брат княгини Николай Сергеевич Всеволожский. Это была их первая встреча после 10-летней разлуки, пережитая весьма эмоционально.

«Наконец, я в Кораисе, наконец, я обнимаю сестру, друга, которого никогда, ни на одну минуту не переставал любить! Не знаю, отчего воображение переселило меня к дням нашей молодости, но вместо прелестной, стройной, ловкой женщины я держал в объятиях согбенную худую старушку. Однако черты лица ее по-прежнему выражают ум, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась княгиня Голицына. И она, как и я, но, может быть, с большими правами, могла мечтать о счастье! И ее, как меня, оно мгновенно польстило и обмануло! Но уму ее нужны были в замену этого деятельные занятия, и она умела найти их... Теперь, удаляясь от света, она живет в уединенном уголке Крыма, но еще любима и уважаема всеми, кто... постигает великость ее души... Она нашла пристанище в вере и в этой христианской философии, к которой и я стремился...»

Он описывает прекрасное благоустроенное имение, возникшее «как по волшебству» за какие-то десять с небольшим лет:

«Мы гуляли по саду, разведенному кн. Голицыной, и по горе, до самого моря понижающейся. Здесь все создала помещица; во всем видны вкус и мысль о пользе. Дом в два этажа, спокойно расположенный и убранный не богато, но прилично; небольшая, но прекрасная церковь: этого довольно для такой спокойной и благочестивой жизни.

Но вот светлые кристальные ключи: они бьют из горы, орошают всю дачу, и так проведены всюду, что их достаточно для поливки всех растений; вот богатые виноградники, уже приносящие большой доход; вот деревья, редкие или невиданные в Крыму: все это уже относится к пользе общей и частной. Виноделие усовершенствовалось стараниями сестры моей. Она выписала из Франции и Германии мастеров, погребщиков, бондарей и все необходимое для этой промышленности. Насаждение маслин также начинает у нее процветать. Словом, на голом и диком месте сделала она все, что можно придумать к пользе, и притом к украшению ее собственности»⁵⁶.

«Уму ее нужны были деятельные занятия, и она умела найти их» – эти слова Всеволожского точно характеризуют энергичную натуру Анны Сергеевны. В сопровождении немногочисленной свиты княгиня, одетая в мужской костюм, подходящий для верховой езды по крутым крымским тропам, объезжала окрестности, наблюдая за работами, за строительством собственного дворца высоко под скалами и расположенной над ним церкви; дачи для сестры, Софьи Мещерской, – «Розового дома», послужившего украшению сада Голицыной. Особых забот требовали строительство готического дворца и устройство парка в Гаспре, где предстояло закончить свой земной путь министру просвещения князю А.Н. Голицыну, и дома с парком для И.О. Витта и К. Собаньской в Ореанде. Усадьбу на ранних стадиях ее созидания описали автор первого путеводителя по Крыму Шарль Монтандон, известный путешественник Дюбуа де Монпере, поэты Василий Туманский и Виктор Тепляков. 8 сентября 1837 г. «обедает у Голицыной» Василий Андреевич Жуковский и делает соответствующую запись в своем дневнике. 19 сентября он присутствует на обеде, «когда по осмотру дома князя Голицына царь, царица, наследнику Великие князья и весь двор посетили церковь

⁵⁶ Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Италию, Париж в 1836–1837 гг. – М., 1839. – Т. 1. С. 57–64, 79.

княгини». Это произошло во время достопамятного путешествия императора Николая I с семьей в сентябре-октябре 1837 г.

Облик прежнего имения сегодня помогают представить выполненные в 1830-е гг. литографии. Пожалуй, лучше всего оно не просто описано, но и зарисовано знаменитым путешественником, швейцарским французом Дюбуа де Монпере, словами которого мы завершим наше описание усадьбы.

«...Мы вступили в селение Татра, выше которой располагалось ее укрепленное убежище. Представители русской знати имеют здесь прекрасные владения, в том числе князь Голицын, бывший министр культов, который построил здесь готический замок с двумя зубчатыми башнями. Постройка такого рода среди пейзажа Тавриды – настоящий сюрприз.

Но сюрпризы продолжаются. Едва мы покинули Татру, как уже показался крест имения Кореиз. Это владение представляло собой одну из первых попыток освоения побережья. Баронесса Крюденер явилась в Крым, чтобы продолжить свою евангелическую миссию среди татар. Вместе с нею прибыли ее зять, барон Беркгейм, и княгиня Голицына; после смерти баронессы они не пожелали покинуть землю, где покоился дорогой для них прах. Первым их движением было создание священного приюта, удаленного от мира; но душевное страдание утихло, и по мере того, как физическая жизнь брала верх над жизнью религиозной и созерцательной, княгиня и барон принялись сажать виноградник: их опыт был первым на крымском побережье. Проезжая Ай-Даниль, я обратил внимание на виноградник барона, с его красивым владельческим домом, очаровательным садом, прекрасным видом. Барон Беркгейм, почитаемый и уважаемый всеми, кто его знает, сохранил от своих прежних мистических увлечений лишь истинное, чувствительное благочестие. В остальном он много занимался своим владением и сумел добиться того, что оно производило лучшие вина Крыма.

В Кореизе у княгини Голицыной все масштабнее; чтобы судить о владении в целом, я прошу взглянуть на лист 55 II серии. Я рисовал его, находясь перед садом г-на Льва Нарышкина в Мисхоре. На втором плане видна часть виноградника княгини, насчитывающего 50 тыс. лоз. Выше, среди садов, виден построенный ею изящный дворец, где она живет зимой и летом. Он отделен от основной дороги церковью, затененной старыми ореховыми деревьями, которые чувствуют себя привольно, орошаемые прекрасными фонтанами. Скалу, к которой примыкает дом, можно определить как историческую. Под нею – готический замок с двумя прямоугольными башнями по обеим сторонам ворот, который мог бы служить приютом какому-нибудь сеньору, но служит лишь винным подвалом княгини. Другой подобный замок с башнями, увенчанными зубцами, принадлежит князю Голицыну и находится в Гаспре⁵⁷.

Возникший на крымских склонах рукотворный ландшафт писали многие, но особенно охотно и подробно запечатлел его русский художник Никанор Чернецов во множестве своих работ, начиная от набросков и кончая панорамными видами.

В 1833 г. Голицына получила царское дозволение вернуться в Санкт-Петербург, о чем ей сообщил в письме князь А.Н. Голицын. Но княгиня не воспользовалась этим, она слишком выросла в свою новую жизнь, превратила Кореиз в центр притяжения для мистиков и пизетистов «Александрова века» и просто для образованных людей, селившихся на побережье. Видимо, крутой деспотичный и эксцентричный характер княгини, не терпевшей возражений, доставлял ей немало неприятностей. Душевный кризис затянулся, и это не укрылось

⁵⁷ Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. – Париж, 1843. – Т. 6; Пер. с франц., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. – Т. 6. С. 181–182.

от глаз посетившего ее в 1836 г. брата. Ему показалось, что княгиня скучает, что хозяйство мало занимает ее, «она как будто чувствовала свое одиночество». Это весьма огорчило Всеволожского.

«Если спокойствие ее нарушится, думал я, и она, охладившись ко всему, что ее занимает здесь, почувствует скуку, которую слишком трудно будет преодолеть... Величайшее несчастье в жизни потерять все обольщения, все мечты...»⁵⁸.

⁵⁸ Всеволожский Н.С. Указ. соч. С. 69.

Ссора с М.С. Воронцовым и примирение

Весьма драматичной поначалу была история с родником, из-за у которой у княгини в 1834 г. возникло желание уехать из Крыма. Об этом мы узнаем из письма А.Н. Голицына:

«Можно ли покидать место, в котором вы обустроились и где живете много лет, из-за каких-то неприятностей и несправедливостей? Я счастлив, что мысль о моем приезде на Южный берег вас удержала...»⁵⁹.

Речь шла о Мисхорском источнике, которым княгиня пожелала владеть единолично, не считаясь с местными татарскими обычаями. Это стоило ей ссоры с Воронцовым, самым уважаемым ею человеком. Конфликт разрешился благодаря уму и такту генерал-губернатора, взявшего на себя труд написать ей длиннейшее письмо от 27 июня 1834 г., в котором адресовал ей много лестных слов, но в конце вынужден был преподать уроки правосудия.

«Я не могу вам выразить, дорогая княгиня, всей той горечи и удивления, которые испытал, узнав, до какой степени вы были недовольны и рассержены исходом дела об источнике, протекавшем через Мисхорскую почту. Вы говорили о намерении покинуть Крым, считали себя жертвой угнетения и произвола, пристрастия – и со стороны кого же? – со стороны человека, который вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, которое вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега».

«...Горный ручей протекал через сады татар в селение Мисхор.

В 1830 г. мы учредили почтовый дом на большой дороге, а почта не может существовать без воды; я поручил, уезжая за границу, компетентным властям не отводить его течение, дабы не нарушать хозяйство... Наши добрый Казначеев сам имел замечания и порицания от Сената за то, что повернул, причем не ради собственного интереса, но для города Симферополя источник, и то не весь, а половину... Неужели, дорогая княгиня, вы скажете теперь, что нахождение источника с фонтаном около почты – это несправедливо? Я не оспариваю право татар жаловаться на отвод воды, и мы уладим это дело с ними. Следует соблюдать нравы и обычаи страны. Я вам говорил еще весной 1832 г., что никто не может отводить текущую воду, даже если он купил источник, таков закон всех стран, а также татар... Местная полиция вас боится или, по крайней мере, вас уважает в такой степени, что не смеет принимать жалобы на вас. Наши добросердечный губернатор, который хочет всех примирить, не принимает никаких мер. Неужели я должен отрицать правосудие и даже не рассматривать их дело? Однако не для того послал меня сюда Император, и я должен проявлять моральную ответственность, выслушивать доводы каждого и вынести решение, исполнение которого зависит от полиции...»⁶⁰.

Как показали дальнейшие события, княгиня была крута в гневе, но отходчива. Она восприняла доводы графа и спустя какое-то время признала, что погорячилась. В письме от начала 1835 г. она, как ни в чем не бывало, пишет:

⁵⁹ Письма А.Н. Голицына // Русский архив. – 195 г. Кн. 3. – № 11. – С. 423.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Письмо Гр. Воронцова М.С. кн. А. Голицыной.

«Скажите мне, дорогой граф, с чего вы взяли, что я никогда не смогу сердиться на вас и что когда я не в духе, мне достаточно вспомнить вашу добрую физиономию и ваши серые орлиные глаза, чтобы улыбнуться и любить вас от всей души.

Поспорим немного, по-дружески, мне кажется, что в ходе вашего последнего визита оба мы пришли к согласию отвести похищенный источник, эту татарскую новую Елену, на прежнее место. Я вам пообещала не предъявлять никаких требований и не предпринимать никаких шагов к повторному похищению источника и сдержала слово. Все успокоились и почти перестали говорить об этом»⁶¹.

Однако для людей своего круга княгиня делала немало добра. Британский офицер А. Джеймс, посетивший Кореиз в 1829 г., увидел в саду высокую статную даму с благородным лицом. «Вскоре я убедился, что о ее блестящем уме не следует судить по необычному внешнему виду (на голове у нее была мужская фуражка), – писал он. – Княгиня оказалась одной из самых умных женщин, с кем мне доводилось беседовать. Она говорила о европейской политике, о возрастающей опасности войны и, наконец, о литературе»⁶². В доме княгини была собрана богатая библиотека, сюда приходили газеты, журналы, поддерживалась регулярная почтовая связь⁶³.

Владелица Кореиза скончалась в 1838 г. и была погребена в склепе построенной ею церкви. После нее имением владела по завещанию пожизненно баронесса Беркгейм, потом оно должно было перейти к Мещерским. На территории сада А.С. Голицына построила дом для своей сестры княгини Софьи Сергеевны Мещерской и ее детей. В качестве приданого ее дочери Марии Ивановны он оказался в руках ее зятя Ивана Николаевича Гончарова, брата Натальи Николаевны, жены А.С. Пушкина. Далее огромное имение дробится между наследниками, распродается по частям. В 1867 г. Гончаров уступил свою часть земли вместе с домом генерал-адъютанту Его Величества, участнику первой обороны Севастополя графу Феликсу Николаевичу Сумарокову-Эльстону. В конце 1880 гг. в доме под скалой недолго жил и вскоре там скончался родоначальник династии «тверских» Морозовых – Тимофей Морозов. В 1890 г. граф выкупил дачу и земли винодела Морозова – все, что осталось от когда-то обширного и доходного имения Голицыной. Так во второй половине XIX в. благоустроенное и богатое поместье в Кореизе становится собственностью семьи Юсуповых. При них оно подверглось основательной перестройке.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. Л. 73–75, 12 февраля 1835.

⁶² Александер Дж. Россия глазами иностранца: Пер. с англ. – М., 2008. – С. 177.

⁶³ Книги, упомянутые в переписке, дают представление о круге чтения: Луи-Эме Мартен (1781–1847), друг и почитатель Бернардена де Сен-Пьера и издатель его сочинений, автор произведений духовно-нравственных, литературных, критических, драматических и иных. Баронесса Беркгейм имеет в виду, вероятно, изданную в 1835 г. «Книгу сердца, или Беседы мудрецов всех времен о дружбе» (Louis-Aimé Martin. Livre du Coeur ou entretiens des sages de tous les temps sur l'amitié). Сочинение испанского государственного деятеля и экономиста Don Pablo-Antonio-Jose Olavides (1725–1803): «El Evangelio en Triunfo», написанное им во время пребывания его во Франции, переведенное на французский язык под заглавием «Le Triomphe de l'Evangile, ou memoire d'un homme de monde revenu des erreures du philosophisme moderne»; оно пользовалось большим успехом, было издано в Лионе в 1805 г. (4 т.), в 1821 г. (3 т.) и в 1835 г. (4 т.). Оно было переведено на русский язык А.Ф. Лабзиным и издано под заглавием: «Торжество Евангелия, или Записки светского человека, обратившегося от заблуждений новой философии, сочинение, в котором победоносным образом поражаются лжеумствования неверия и в коем доказывается истина Христианской веры. Переведено с испанского на французский с 7-го издания, а с французского на Российский». – СПб., 1821–1822, 4 ч. Искусство сверять даты (L'art de verifier les dates depuis la naissance de Jesus-Christ). Книги с таким названием у меня нет, но что касается дат, есть <Хронологическая Таблица> Лангле (Nicolas Lenglet-Dufresnoy, 1674–1755, Tablettes chronologiques de l'histoire universelle, 2 Т., 1744) и <Картина революций в Европе от краха Римской империи до наших дней> де Коша (Christophe-Guillaume de Koch, 1737–1813. Tableau des revolutions de l'Europe depuis le bouleversement de l'empire Romain en Occident jusqu'à nos jours, 1813, 4 Т.).

Глава II

Спутники кн. Голицыной и их судьба в Крыму

Жюльетта Беркгейм – соратница и секретарь княгини, ее «Второе я». М.С. Воронцов и проблемы виноделия в Крыму. Барон Беркгейм – ученый-винодел. Его письма М.С. Воронцову. Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле. Семейные отношения четы Беркгейм – домыслы и факты. Новые опыты в Мухалатке, кончина и романтический памятник. Семейство Маурер и архитектор Эшлиман. Канонисса Жакмар. Графиня де Гаме или Жанна де Ла Мотт?

В целом из писем А.С. Голицыной к М.С. Воронцову и ее сподвижницы Жюльетты Беркгейм к Раевскому мы знакомимся с кругом общения княгини. В них воскресает образ Южного берега самой начальной стадии его обустройства, и появляется целый ряд действующих лиц, известных и полузабытых. Главным образом это дамы высшего петербургского круга, связанные между собой узами близкого и дальнего родства, образованные и религиозные. Им будут посвящены отдельные главы.

Однако в момент переселения окружение княгини было достаточно пестрым и о нем известно немного. Письма знакомят нас с отдельными лицами из ближайшего окружения княгини, одни были ее спутниками по переселению, как баронесса Крюденер, ее верная спутница девица Маурер, ее дочь с мужем – барон и баронесса Беркгейм, графиня де Гаше; другие примкнули к ней уже в Крыму – канонисса Жакмар, семейство Маурер и архитектор Эшлиман. О них поговорим более подробно.

Жюльетта Беркгейм – соратница и секретарь княгини, ее «Второе я»

Умная, властная, острая на язык княгиня прекрасно владела пером в литературном смысле, но почерк ее становился все менее разборчивым, и поэтому она предпочитала диктовать свои многочисленные письма подруге и наперснице, баронессе Жюльетте Беркгейм. Большая часть писем написаны рукой баронессы, которую княгиня уполномочила писать от имени их обеих, правда иногда с собственноручной припиской. Об этом прямо говорится в следующем письме Н.Н. Раевскому-младшему за март-апрель 1937 г., Кореиз:

«Прежде всего, м-м Баронесса и м-м Княгиня – это одно. Обе они составляют целостное и почти совершенное существо, и если одна любит вас, то и другая тоже»⁶⁴.

Это письмо – прямое свидетельство того, как сама княгиня объясняла свои отношения с дочерью баронессы Крюденер. Возможно, в их основе лежало некое мистическое переживание. *«Я посетила небо, и земля исчезла у меня из-под ног»*, – писала баронесса Крюденер. Дочь умершей подруги Жюльетта Беркгейм, возможно, заменила Анне Сергеевне обеих. Другое объяснение можно найти в одном из высказываний Крюденер: *«Один из самых удивительных из выдающихся людей, Сведенборг, верил, что существа, которые сильно любили друг друга здесь, в этой жизни, после смерти сливаются, образуя вместе одного ангела: прекрасная мысль!»⁶⁵.*

Однако отношения Голицыной и дочери покойной Крюденер были для многих непонятны. Окружающие недоумевали, почему молодая баронесса не последовала за мужем, винодельческие эксперименты которого увлекали его то в Ай-Даниль, то в Мухалатку, а осталась жить с княгиней в Кореизе. Источник наших сведений – воспоминания Каролины Эшлиман, дочери архитектора-швейцарца Карла Эшлимана, который прибыл в Кореиз, сопровождая молодого маркиза Ошандо, был обласкан княгиней, рекомендован ею Воронцову. Дочка архитектора сама княгиню при жизни не застала, она делилась своими воспоминаниями, находясь уже в глубоко преклонном возрасте, и, следовательно, пересказывала то, что слышала от других. Так, по ее словам, современники отмечали, что Жюльетта и ее муж были молоды и очень хороши собой: оба белокурые, высокие, стройные, они вызывали симпатию у окружающих. Через некоторое время после переезда в Крым барон должен был уехать за границу на несколько месяцев. В это время княгиня А.С. Голицына подружилась с молодой женщиной, и, когда барон вернулся, дома жены он не застал, та была в полной зависимости от княгини, жила в ее доме и виделась с мужем только при свидетелях. *«Никто не мог понять ее связи с Голицыной, тем более что баронесса была очень доброй и любила своего мужа. Когда барон заболел, Жюльетта поспешила к нему, но с княгиней».*

Действительно, отношения супругов и княгини обросли слухами, и только теперь благодаря письмам и означенным на них датам можно внести некоторую ясность в жизнь супругов Беркгейм на крымской земле.

Прежде всего супруги Беркгейм подружились с княгиней Голицыной еще в Петербурге, вместе с ней перенесли все тяготы путешествия на знаменитой барке, горечь утраты баронессы Крюденер (матери Жюльетты), трудности обустройства на «неведомом» тогда побережье; вместе принялись ее обрабатывать, сажая виноградники, вместе начинали свою

⁶⁴ Архив Раевских. Издание П.М. Раевского. Ред. и прим. Б.Л. Модзалевского. – Т. 2. – СПб., 1909. – С. 340.

⁶⁵ Jacob P.L. bibliophile. Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inédits. – P., 1880. – P. 263–273.

жизнь в Кореизе. Но спустя несколько лет пути супругов разошлись. Барон всерьез увлекся проблемой виноградарства и виноделия. Для Воронцова, не щадившего сил и средств для ее решения, это являлось проблемой государственного масштаба. Проблема состояла в том, чтобы привить лучшие сорта винограда на новой почве и создать вино, способное конкурировать с зарубежными винами. А это оказалось совсем непростым делом.

Поэтому дальнейшее изложение судьбы супругов Беркгейм и причин их дальнейшего раздельного проживания мы предварим небольшим предисловием о проблемах виноделия в Крыму и участии барона Беркгейма в ее решении.

М.С. Воронцов и проблемы виноделия в Крыму

Сегодня кажется, что виноградники на склонах крымских гор дошли до нас чуть ли не со времен Античности. Между тем именно граф Воронцов, оценив все преимущества здешнего климата, содействовал зарождению и развитию крымского виноградарства. Он выписал саженцы всех сортов винограда из Франции, Германии, Испании и, пригласив иностранных специалистов, поставил перед ними задачу – выявить те, которые лучше приживутся и смогут давать необходимые урожаи. Кропотливая селекционная работа велась годами. Но Воронцов с непоколебимым упорством продолжал задуманное. В первую очередь он засадил виноградниками собственные участки земли, которые приобретал в Крыму. Один тот факт, что знаменитый дворцовый комплекс в Алушке был в немалой степени построен на деньги, вырученные Воронцовым от продажи собственного вина, красноречиво говорит о недюжинной коммерческой хватке Михаила Семеновича.

Однако и здесь ему приходилось «переломить тенденцию», уже сложившуюся к началу XIX в. Согласно ей, наиболее ценными для виноградарства считались «земли первой степени» – долины судакского побережья, северные склоны Крымских гор по рекам Бельбек, Кача, а земли Южного берега Крыма расценивались ниже, как каменистые, сухие, страдавшие от недостатка орошения. *«Но вина, вывозимые из Крыма, – пишет Дюбуа де Монпере в своем критическом обзоре состояния крымского виноделия, – находили спрос только среди народа, а зажиточные слои, привычные к винам Сотерна, Бордо, Венгрии, Рейна, не находили ничего привлекательного в продукции Судака и Качи, где виноградники, орошаемые по греческому и татарскому способу, дают, соответственно, водянистое слабое вино, без крепости и стойкости... Впрочем, отсутствие особых стараний в их приготовлении во многом объясняет их посредственные качества. Надо было произвести полную революцию в культуре виноделия, чтобы привести ее в состояние, когда она смогла бы успешно соперничать с зарубежной продукцией»*⁶⁶.

Такую революцию и попытался произвести Михаил Семенович Воронцов, новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области. Он отдавал предпочтение Южному берегу Крыма и считал его более перспективным для виноградарства и виноделия, чем судакские долины. Его взгляды разделял и директор Ботанического сада Н.А. Гартвис, в коллекции которого уже насчитывалось около 300 наименований сортов винограда, но производственные насаждения, как и при Стевене, не расширялись. Н.А. Гартвис обращается к Воронцову с Докладной запиской, в которой указывает на необходимость создания образцово-показательного заведения и училища при нем для развития промышленного виноградарства в Крыму.

Получив разрешение императора Николая I на создание образцового казенного виноградника, в 1828 г. в целях поощрения виноградарства на Южном берегу Крыма М.С. Воронцов приказал отрезать у Никитского ботанического сада часть неиспользуемых им земель и раздать по пять-семь десятин помещикам, желающим завести виноградники. Сад обязан был обеспечить их посадочным материалом. После того как Н. Гартвис лично удостоверял, что виноградники засажены по всем установленным правилам, они переходили в вечное и потомственное владение. Это был один из путей заселения пустующих земель. За десять лет от территории Никитского ботанического сада были отрезаны и розданы новым землевладельцам 277 десятин земли. В первые годы виноградные саженцы и черенки выдавались

⁶⁶ Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие в Крым / Пер. с франц. Т.М. Фадеевой. – Симферополь, 2009. – С. 100. Прим.: Читайте в Die Reise durch Taurien Муравьева-Апостола, с. 164, его критические замечания о культуре виноделия и винах в Крыму. Сравните их с критикой маркиза де Кастельно в его Histoire de la Nouvelle-Russie, III. P. 290.

главным образом бесплатно или продавались по очень низким ценам. А вскоре после возникновения Магарачское опытное заведение и училище виноделия становятся источником научных знаний, распространения высокоценных лоз и профессиональных кадров на юге России.

Сочувствуя трудам Гартвиса, кн. Голицына пишет Воронцову в письме от 18 июня 1828 г.:

«Ах, если бы среди этих миллион[ных трат] вы смогли выделить тысячу в год для славного и неутомимого Гартвиса!⁶⁷ Г-н графу он этого заслуживает. Никита (Ботанический сад) уже имеет самую прекрасную в Европе коллекцию всех видов винограда, питомник маслины доступный всем владельцам, желающим создавать обширные плантации. Этот бедный человек трудится днем и ночью для блага побережья, но не имеет времени, чтобы возделывать свой клочок земли для себя, так как его жалованья недостаточно для содержания семьи. Заявляю вам, что пенсия в 1500 руб. за Никит[ский сад] меня возмущает... Дорогой граф, добейтесь же чего-нибудь для того, кто так хорошо понимает ваши идеи и кто отнюдь не жертвует ботанике вещами столь необходимыми, как виноград и маслины»⁶⁸.

Действительно, крупное виноградо-винодельческое производство, потеряв связь с прошлым, без традиций и многовекового опыта, начинает возрождаться силами любителей, не щадивших для него средств и не ставивших на первый план коммерческую выгоду. И конечно же, наиболее значимым примером был граф М.С. Воронцов. В своих имениях Алупка, Массандра, Ай-Даниль и Гурзуф он посадил множество сортов винограда, строил подвалы для вина, производил закупки винограда у мелких землевладельцев и крестьян, не имевших своих подвалов и дорогого винодельческого оборудования. Вина из покупных гроздей не смешивались с винами собственных садов и продавались под маркой «Выдержанные в подвалах Воронцова». Неперспективные вина перекуривались на водку и назывались «Воронцовская старка».

Вслед за Воронцовым Дюбуа ставит имена кн. Голицыной и барона Беркгейма. «В 1826 г. граф Воронцов заложил первый виноградник в Ай-Даниле, где в 1834 г. имелось 72 тыс. лоз. Княгиня А.С. Голицына и барон Беркгейм заложили виноградники примерно в то же время. Так был дан первый толчок, и понадобилось бы немало страниц чтобы перечислить все новые насаждения, возникшие как по волшебству вдоль побережья», – писал Дюбуа де Монпере⁶⁹.

Рядом с Воронцовым, в числе тех, кто не ставил на первый план коммерческую выгоду в стремлении создать сорта вин, не уступавших зарубежным, следует поставить имена кн. Голицыной и барона Беркгейма. Поскольку о последнем известно крайне мало, постараемся восполнить этот пробел.

⁶⁷ Гартвис Николай Андреевич фон (1791–1860) – ботаник, садовод, директор Никитского ботанического сада с 1827 г.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1335. Л. 25–26.

⁶⁹ Дюбуа де Монпере. Указ. соч. – С. 102.

Барон Беркгейм – ученый-винодел. Его письма М.С. Воронцову

Беркгейм Франц Христианович (1775–1836), барон, камергер Королевско-Баварской службы, служил в Майнце полицейским генерал-комиссаром. В 1814 г. он познакомился с баронессой Крюденер в Страсбурге, оставил службу и стал ее постоянным спутником и помощником в ее религиозно-проповеднической деятельности, а летом 1815 г. женился на ее дочери Жюльетте. При посредстве князя А.Н. Голицына (см. гл. 3) Беркгейм 2 ноября 1819 г. был принят из камергеров Королевско-Баварской службы, по Высочайшему указу, в русскую службу с чином статского советника и причислен в ведомство Министерства духовных дел и народного просвещения, а по увольнении князя Голицына от управления министерством был переведен им в ведомство Почтового департамента, при котором и состоял до самой смерти, не неся никаких служебных обязанностей, но исправно получая жалованье даже после переселения своего в 1824 г. в Крым (Рус. Архив, 1905 г. кн. 111, с. 440). Здесь купил он себе имение, развел виноградники, и с 14 февраля 1829 г. состоял членом Общества сельского хозяйства Южной России.

Княгиня и чета Беркгейм вначале поселились вместе, в Кореизе, и вместе же занялись виноградарством. Это подтверждают его письма М.С. Воронцову с 1828 по 1832 гг., отправленные из Кореиза. В них он описывает первые результаты своих опытов.

Из письма Воронцову, отправленного 29 марта 1828 г., следует, что он уже получил от Воронцова участок на землях Ай-Даниля, называя его *Данилова гора*, что из выращенного там винограда получено красное вино, высокие качества которого засвидетельствованы знатоками и, наконец, что опыт производства такого вина может быть распространен и на виноградники Воронцова, расположенные по соседству.

«Я сознаю, что ваше время драгоценно, но знаю также вашу готовность никогда не терять из виду обитателей Побережья, как и прогресс той промышленности, которую вы там создали. Поэтому не могу удержаться, чтобы не изложить Вашему Превосходительству подробности счастливого результата, полученного мной в культуре виноделия.

*Будучи убежден в том, что Фельдман, прошедший школу в Бургундии и на берегах Рейна, в совершенстве владеет искусством приготовления красного вина, я поручил его заботам мой совсем небольшой виноградник с сортами Асманхаузен и Бургиньон на **Даниловой горе** (по-рус.). Когда г-да де Серр и Гартвис были в Кореизе у Княгини, им была подана бутылка моего красного вина, происходящая якобы из Судака.*

Вино получило свой сертификат происхождения только после того, как это собрание знатоков вынесло свое окончательное суждение о его качестве. Его букет был сочтен весьма приятным, дух и крепость – как у вина бургундского, хотя свою окончательную зрелость это вино могло достичь лишь осенью.

М-м Княгиня поручила мне отправить несколько бутылок вина в Ливонию, чтобы дать представление о том, чего мы вправе ожидать здесь.

Так как нет никакой разницы между вашим обширным и богатым виноградником в Ай-Даниле и Даниловой горой (по-рус.) в отношении почвы и экспозиции, опыт Фельдмана показывает нам характерные качества вин, которые могут быть получены от урожая Ай-Даниля. Фельдман считает, что если приготовить это вино из винограда ваших лучших сортов и в достаточном количестве по всем правилам искусства, сочетающего тонкость с крепостью и выдержкой, то ваше вино превзойдет то, что уже получено им и сравнимо с лучшими винами Бургундии.

Осмелюсь просить вас, г-н граф, принять несколько бутылок этого вина в ваше распоряжение. Пользуюсь случаем, чтобы рекомендовать Фельдмана, который заботился о нем. Ваше Превосходительство, я убежден, что это человек надежный, в совершенстве владеющий своим ремеслом, и что он сумеет выявить в крымских винах то, чего им до сих пор не доставало, а именно – букет.

Средние подсчеты, основанные на качестве и объеме производства, приводят меня к выводу, что мои нынешние плантации должны дать мне через 5–6 лет ежегодный доход около 20 тыс. рублей ренты. Хорошее местоположение повсюду является редкостью, и поэтому конкуренция, подобная той, что существует в других производствах, не понизит ценности продукта. Этим я обязан Вашему Превосходительству; вы способствовали тому, чтобы я сохранил свою собственность и добился результата.

М-м Княгиня и моя жена просят изъяснить свое почтение и надеются увидеть вас вскоре на Побережье. Мое почтение м-м графине.

Кореиз, 29 марта»⁷⁰.

В следующем письме за тот же год⁷¹ барон говорит о новом эксперименте с виноградом токайских сортов. Любопытны его рассуждения о том, что не следует ставить на первый план коммерческую выгоду, если желаешь создать сорта вин, не уступающие зарубежным; напротив, постепенное расширение виноградника и более тщательный уход в конечном счете приведут к сходным результатам.

«Г-н графу в этом году я готовил вино из сортов винограда, растущего в окрестностях Токай⁷²; из них производят вина немного ниже по качеству, но достаточно похожие на токайские и используемые в розничной торговле. Это вино, которое я дал дегустировать г-ну Шмидту, обещает стать очень хорошим по качеству, что позволит продавать его как сухое вино. На основе этого эксперимента я полагаю, что венгерские сорта будут с успехом освоены на Побережье, и в частности, в условиях почвы и экспозиции Ай-Даниля.

Существуют две различные точки зрения относительно того, что дает большие преимущества владельцу – расширение территории виноградников или ограничение их площади ради заботы о качестве вина. Одни видят пользу в большем урожае винограда, другие – в более тщательном уходе за ним, благодаря которому вино станет лучше. Я полагаю, что здесь, как и в других случаях, истина избегает крайностей. Особы, которые не хотят соразмерять определенные жертвы с большими выгодами, будут иметь много вина, но, неизбежно, лишеного тонкости, каковы бы ни были преимущества, связанные с климатом, экспозицией и почвой. Доказано, что самый лучший эксперт-виноградарь не в состоянии содержать в порядке 30 000 виноградных кустов. Для владельцев, таким образом, речь идет о том, чтобы соразмерять свои возможности с количеством кустов, ибо по мере увеличения урожая растет и потребность в мастерах и оборудовании. Напрасно возражают мне, что это возможно для крупных состояний, сопоставимых с состоянием Вашего Превосходительства. Я отвечу, что, действительно, при наличии значительного капитала, которым к тому же хорошо распоряжаются, быстрее достигнешь цели; но и обладатель среднего состояния, как бы мало оно ни было, имея в распоряжении некий капитал и получив первый реальный доход, достигнет той же цели, если употребит часть дохода от первых 30 тыс. кустов на покрытие расходов по посадке и доведению до хорошего состояния других 30 тыс. кустов. Разумеется, это потребует терпения, упорства, разумной экономии.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1261, О. 3, е/х 1286. Письма барона Беркгейма М.С. Воронцову. Л. 1–2.

⁷¹ Там же. Л. 3–4, 30 апреля 1828 (4 декабря 1828)?

⁷² В Венгрии Центр виноградарского и винодельческого района, известного высококачественным вином (токай).

Таков принцип, который служит основанием и опорой капитала в коммерции и в производстве и применение которого способно приумножить и произведения сельского хозяйства. Этот принцип весьма полезен для владельцев, располагающих ограниченным капиталом для устройства новых виноградников. Культура виноделия соединяет с самыми тщательными сельскохозяйственными заботами различные виды ручного труда по сохранению и улучшению вина, из-за чего этот вид производства можно в определенных отношениях сравнить с мануфактурой; речь идет о том, что здесь более, нежели в каких-либо других областях сельского хозяйства, помимо капитала необходима особая связь с землей, обеспечивающая успешный результат.

*Примите и проч.
Барон Беркгейм»*

В письме с поздравлениями в честь нового, 1832 г., барон сообщает о расширении своих владений в Ай-Даниле. Это происходит с помощью и при содействии Воронцова, которому он адресует трогательные слова благодарности.

«Позвольте мне просить вас, как и графиню, принять пожелания от меня и моей жены по случаю праздников. Существует старое народное поверье, что пожелания, которые идут от сердца, не напрасны; и я надеюсь, что мы часто будем иметь счастье видеть вас, высказать наше удовлетворение всем тем, что создано вами, и благополучием, которое вы распространяете вокруг себя.

Вы любите Побережье и тех, кто его населяет. Нас объединяет чувство признательности к Вам как администратору, который сумел превратить пустыню в страну, где проявляются все новые ростки цивилизации.

Г-н полковник Шепилов вместе с г-ном Сотовым любезно посетил меня, и мы вместе отправились в Ай-Даниль, чтобы измерить землю, предназначенную для обмена. Ваши пожелания были исполнены.

Прошу Ваше Превосходительство принять мою благодарность за это новое свидетельство вашей благосклонности, которое обяжет меня, как вашего соседа, посвятить мое владение культуре виноделия...

Мы надеемся, что Нарышкин, которому я искренне предан, приедет навестить свой Ioannesberg. Мы также обречены владеть своей долей тягот в той цепи существования, к которым прикованы все смертные. М-м Княгиня была опасно больна, но, слава Богу, она выздоравливает. Я перенес катаральную лихорадку, очень мучительную, от которой с трудом оправляюсь.

Хотя состояние моего здоровья не позволяет мне бывать в Ай-Даниле, я узнал, что у вас сделано меньше вина, чем ожидалось...

Прошу вас располагать мною, как ближайшим соседом Ай-Даниля»⁷³.

В последних строках письма барон Беркгейм заверяет Воронцова в том, что «посвятит свое владение культуре виноделия», и предлагает распространить свое внимание и заботу на виноградники графа, расположенные по соседству. Примерно с этого времени он переселяется из Кореиза в Ай-Даниль и строит там дом.

⁷³ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1286. – Л. 5, 30 декабря 1832.

Барон Беркгейм и его эксперименты в Ай-Даниле

Дюбуа де Монпере посетил виноградник барона и даже зарисовал его дом, описав и тот, и другой в самых лестных выражениях.

«Между Большим Ай-Данилем и Малым Ай-Данилем Джексона находится Ай-Даниль Беркгейма – один из лучших виноградников побережья. Он содержит 60 тыс. лоз – Пино-флери, Бургундское и Рислинг. Большой Ай-Даниль графа Воронцова насчитывает 72 тыс. лоз. Лучшие сорта производимых им вин – это Бургундское, Бордо, достаточно близкое к оригиналу, Алеатико и др. Но все вина Ай-Даниля, даже вина барона Беркгейма, приобретают вкус испанских вин, который становится со временем все сильнее⁷⁴.

Проезжая Ай-Даниль, я обратил внимание на виноградник барона с его красивым владельческим домом, очаровательным садом, прекрасным видом. Барон Беркгейм, почитаемый и уважаемый всеми, кто его знает, сохранил от своих прежних мистических увлечений лишь истинное, чувствительное благочестие. В остальном он много занимался своим владением и сумел добиться того, что оно производило лучшие вина Крыма»⁷⁵.

Проблемы, с которыми сталкивались виноделы Крыма в попытках произвести вино, которое выдержало бы конкуренцию с зарубежными винами, тонко проанализировал Дюбуа, хорошо знакомый с культурой виноделия у себя на родине, в Невшателе, «самом французском» кантоне Швейцарии. В главе «О виноградниках и винах Крыма» своего «Путешествия в Крым» он отмечает, что владельцы не щадили затрат на приобретение лучших лоз и привлечение специалистов. Однако вино, приготовленное из винограда, выросшего на новой почве, со временем претерпевало изменения.

*«Когда на новой плантации на исходе трех-четырех лет начинают созревать гроздья, выжатое из них вино довольно хорошо выявляет качества первоначального растения; порой это вводит в заблуждение: я пил эти новые вина, которые, казалось, предвещали полный успех... но то была иллюзия: уже через пару лет природа вина меняется, из года в год это отличие все более заметно, и по истечении 8-10 лет это уже не Бургундское или Бордоское, но особое вино, более крепкое, более градусное, чем оба эти сорта, но менее тонкое. Виноградники большого Ай-Даниля графа Воронцова, посаженные в 1826 г. из саженцев, вывезенных из Франции, и расположенные также в Ай-Даниле виноградники барона Беркгейма подтверждают эти наблюдения даже там, где саженцы ни с чем не смешаны. На других виноградниках не придерживаются столь строго этого разделения между растениями различного происхождения, и насаждения состоят вперемешку из **большого Бургундского, Пино-флери, Рислинга, Бордо, Кокура**: это последнее растение неизвестного происхождения производит крепкое вино в изобилии; когда за ним ухаживают, оно приобретает, по словам знатоков, очень приятный вкус и букет, благодаря которому считается изысканным даже в старой Европе, именно потому, что полностью отличается от других известных вин. Посадили также некоторое количество Алеатико; ведутся испытания старых крымских сортов из качинской долины.*

*Виноград, который, по-видимому, в наименьшей степени утрачивает свои первоначальные качества с переменой климата, – это **Рислинг** с берегов Рейна. Он особенно распространился в долине Алушты, где сланцевая почва... по-видимому, больше ему подходит,*

⁷⁴ Дюбуа де Монпере Фр. Указ. соч. С. 171, прим.

⁷⁵ Там же. С. 171, 181.

напоминая качества родной ему почвы. В Мисхоре, у г-на Льва Нарышкина, также засадили участок Рислингом, который в 1834 г. произвел очень хорошее вино с тонким вкусом, хотя и без изысканных качеств рейнских вин; но лишь время покажет, сохранятся ли эти качества или возобладает тенденция, свойственная остальным винам побережья.

В целом все это доказывает, что вина крымского побережья находятся пока в переходном состоянии и не могут иметь стабильной репутации, которая сложится лишь по истечении ряда лет... Без сомнения, они будут представлять собой нечто среднее между тонкими винами севера и насыщенными креплеными (gros vins spiritueux) винами юга. Но в Крыму столько разновидностей климата, почв, экспозиций, что я не сомневаюсь: если не удалось добиться от твердых земель (terres fortes) крымского побережья качеств тонких вин, которых от них ожидали, то это можно сделать в другом месте»⁷⁶.

Дюбуа де Монпере много общался с бароном Беркгеймом, вместе они посетили Херсонес, делясь философскими размышлениями на тему «мимолетности славы мирской». Умозрительные размышления содержат и немногие сохранившиеся письма барона Н.Н. Раевского-младшему и князю А.Н. Голицыну.

⁷⁶ Там же. С. 104.

Семейные отношения четы Беркгейм – домыслы и факты

Вернемся к семейным отношениям четы Беркгейм, располагая теперь точными датами, которыми помечены письма. Выше мы упомянули, что первые письма Беркгейма отправлены из Кореиза, где он проживал вместе с женой, от которой постоянно передавал приемы. Где-то в 1833–1834 гг. его владения в Ай-Даниле, благодаря Воронцову, расширяются, и барон, увлеченный своими опытами, перебирается туда, строит дом. Однако жена за ним не последовала, она осталась верна кн. А.С. Голицыной, и это обстоятельство было воспринято окружающими как некая странность, вплоть до того, что княгиня якобы тиранически удерживала Жюльетту от общения с мужем. Известно, что порой слухи, передаваемые устно, обладают свойством обрастать новыми, преувеличенными, а то и вовсе вымышленными подробностями. Сошлемся на «Воспоминания Каролины Эшлиман», дочери архитектора, которые были записаны спустя полвека после кончины княгини, причем сама она с Анной Сергеевной и Жюльеттой не встречалась.

«Властолюбивая и властная кн. А.С. Голицына часто вмешивалась в семейные отношения окружающих ее лиц, – рассказывала Каролина. – Барон Беркгейм не раз жаловался моему отцу на своенравную княгиню, что та сеет раздоры между супругами Беркгейм. Баронесса постоянно пребывала в Кореизе, барон обычно жил у себя на даче, в Судаке (!) подле генуэзской крепости. Каждый раз, как он приезжал в Кореиз, кн. Голицына принимала все меры к тому, чтобы он не оставался наедине с женою... В конце концов, эти раздоры закончились полным разрывом между супругами Беркгейм. Барон уехал в Германию (!) и уже не вернулся к жене. Там он вскоре и умер (!)»⁷⁷.

Теперь, когда в нашем распоряжении датированные документы в виде писем, мы видим, что вся событийная канва этого рассказа ошибочна. Отсюда меньше доверия к сообщениям о «коварстве» княгини, хотя вполне можно допустить ревность и желание одинокой пожилой женщины удержать при себе дочь своей покойной подруги, «ангельскую Жюльетту».

Приведем еще один отрывок из воспоминаний баронессы Марии Бодэ (кстати, проживавшей в Судаке – вероятно, отсюда и возник Судак как якобы местопребывание барона Беркгейма, в рассказе К. Эшлиман). В этом сообщении по крайней мере барон умирает не в Германии, а в Крыму и жена присутствует при его кончине. Однако и здесь ее якобы сопровождает княгиня: *«Никто не мог понять ее связи с Голицыной, тем более что баронесса была очень доброй и любила своего мужа. Когда барон заболел, Жюльетта поспешила к нему, но с княгиней»⁷⁸.*

Это неверно, она уехала к больному супругу одна, ухаживала за ним, призвала священника и сама закрыла ему глаза, а затем распоряжалась на похоронах. Княгиня оставалась дома, о чем свидетельствуют ее письма другой Каролине – Собаньской:

«Барон Беркгейм скончался вследствие тяжелой болезни. Мое «второе я» оставило меня, чтобы ухаживать за ним. Впервые за 17 лет мы расстались! Я не просто одна; я печальна, беспокойна и очень страдаю»⁷⁹.

⁷⁷ Воспоминания Каролины Эшлиман // Русский Архив. 1913. – С. 339.

⁷⁸ Из воспоминаний баронессы М.А. Бодэ // Русский Архив, 1882. Кн. 2. № 3. – С. 123–129.

⁷⁹ Jacob P.L. bibliophile (Lacroix P). Madame de Krudener. Ses lettres et ses ouvrages inédits. – P., 1880. – P. 207.

Впрочем, похоронив мужа, Жюльетта вернулась к княгине.

Хуже всего то, что эти рассказы о «странных отношениях» супругов Беркгейм и княгини Голицыной в последующих пересказах обросли еще большими слухами, растиражированы и повторяются в имеющейся литературе.

Опровергнуть большую часть этих ошибок и неточностей, выявить подлинный ход событий помогают простые подсчеты. Выше мы отметили, что после переселения в Крым и похорон баронессы Крюденер в Карасубазаре чета Беркгейм проживала в Кореизе, им помещены письма Воронцову, отправленные бароном с 1828 по 1832 г.; кроме того, в них неизменно передаются приветы от жены, находящейся рядом. Если принять дату переселения барона из Кореиза в Ай-Даниль и постройку там дома 1833–1834 гг., то ему было в это время 58–59 лет, а его супруге – более 45, и, естественно, перебираться на новое место, без удобств, в этом возрасте уже не хотелось.

Наконец, раздельное проживание продолжалось не более двух с половиной – трех лет, поскольку в 1836 г. барон скончался. К тому же занятый своими экспериментами Беркгейм продолжал расширять их поле действия. О его сильном увлечении изучением свойств винограда, выросшего на разных почвах, свидетельствует то, что за год-полтора до кончины он приобрел в 1835 г. новое поместье в Мухалатке – Чохрах-Бахчи. По этому поводу приведем упоминание в письме от 5 марта 1835 г. княгини Воронцову:

«У нас на побережье новый владелец, это барон Беркгейм, он хочет купить живописное и прекрасное владение в Мухалатке. Он неутомим и решился трудиться на новой целине»⁸⁰.

Княгиня иронизирует над тем, что с ним теперь соперничает его супруга, вошедшая во вкус по части приобретения земли. Княгиня не отказывала в этом своей дорогой Жюльетте, тем более что лучшие земли активно разбирались. Обстоятельства, благодаря которым баронесса стала владелицей земель в Ялте, княгиня описывает так:

«Скажу вам, что генерал Шатилов, погребенный на всю зиму в Магараче, не имея, что пить, развлекался тем, что перебрался в Ялту, в имение Качиони, и оттуда в Мухалатку; теперь он – владелец 5 десятин земли, садов, лугов и воды в изобилии. Устрашенная его активностью, я устроила скандал такому захвату побережья и успела вырвать у него земли в Ялте; ими теперь владеет м-м Беркгейм, которая решила соперничать с мужем и со мной по части культуры винограда и насаждений»⁸¹.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. – Л. 71.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1261. О. 3, е/х 1335. – Л. 65–66.

Новые опыты в Мухалатке, кончина и романтический памятник

Но барон, в плену своих увлечений виноделием, в попытках добиться совершенного результата, слишком буквально реализовал свою идею, согласно которой мысль о «пользе» мешает чистоте эксперимента. Примерно так можно объяснить то, что за полтора года до смерти он продает свое замечательное имение в Ай-Даниле и приобретает имение в Мухалатке, где все придется начинать сначала. В комментарии Б.Л. Модзалевского сказано, что барон Беркгейм «через графа М.С. Воронцова» продал имение М.К. Булгаковой, причем невыгодно, что отмечалось всеми.

«Муж ее, К.Я. Булгаков, писал брату 2 ноября 1834 г. по этому поводу следующее: “Воронцов мне пишет, что он почти сладил в Крыму покупку для Марицы (жены К. Булгакова). У нее был капитал маленький, на который он там покупает ей место, принадлежащее барону Беркгейму, где виноградные сады, с которых он получает изрядный доход... Это место, или, лучше сказать, сад называется Орто Ай-Даниль и на южном берегу, коим все восхищаются. Цена 60 000... вина же Беркгейм продал в сем году тысяч на 10. Я говорил с Башмаковым и с другими крымскими жителями: они не понимают, как может Беркгейм так дешево продать. Воронцов пишет, что и там все удивляются”»⁸².

⁸² Архив Раевских. Указ. соч. Т. 2. – С. 260.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.